ДІОНИСІЙ ЗОБНИНОВСКІЙ,

АРХИМАНДРИТЪ

ТРОИЦЫ-СЕРГІЕВА МОНАСТЫРЯ.

(Очеркъ жизни и дѣятельности его, преимущественно до назначенія въ Троицкіе архимандриты).

Преподав. Тверской Семинаріи Д. И. Скворцова.

(Читано въ засѣданіи Тверской Ученой Архивной Коммиссіи 14 апрѣля 1889 г.)

Съ приложеніемъ иконы-портрета прп. Діонисія.

ТВЕРЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1890 Г.

Печатано по распоряженію Тверской Ученой Арх. Коммиссіи. 27 Марта 1890 г.

643
37

Ахимори Дїωнисє

ДІОНИСІЙ ЗОБНИНОВСКІЙ,

архимандритъ Троицы-Сергіева монастыря.

(Очеркъ жизни и дѣятельности его, преимущественно до назначенія въ Троицкіе архимандриты [1]).

Каждой странѣ вполнѣ свойственно гордиться лицами, вышедшими изъ нея и потомъ много послужившими на пользу отечества. Это не есть та гордость, которая называется матерью всѣхъ пороковъ, а совсѣмъ другая, въ основаніи которой лежитъ чистое гражданское чувство,—чувство любви къ своему отечеству. Одно это обстоятельство, помимо многихъ другихъ, должно быть сильнымъ побужденіемъ къ сохраненію памяти о своихъ знаменитыхъ землякахъ. Изъ нашей Тверской земли вышло не мало дѣятелей, имена которыхъ хранитъ исторія; но еще сравнительно о немногихъ изъ нихъ имѣются подробныя свѣдѣнія. Въ настоящій разъ мы удѣлимъ вниманіе одному изъ такихъ дѣятелей—преподобному Діонисію Зобниновскому, политическая и церковная дѣятельность котораго была весьма разнообразна. Собственно подробно мы коснемся только того періода его жизни, который онъ провелъ въ Тверской епархіи и о которомъ наши древніе памятники сохранили всего меньше извѣстій. Собрать всѣ эти извѣстія, дробныя, разбросанныя по разнымъ рукописнымъ и печатнымъ источникамъ—вотъ наша

---

1) Читано въ засѣданіи Твер. Ученой Архивн. Коммис. 14 апр. 1889 г.

настоящая задача [1]). Если предметомъ изслѣдованія является такая историческая личность, которая носитъ фамилію какого-либо знаменитаго дворянскаго или княжескаго рода, то историки начинаютъ свои изысканія о такой личности обыкновенно съ отдаленной древности, когда въ первый разъ упоминается эта фамилія, они стараются розыскать родоначальника или тѣхъ или другихъ носителей ея во все время до того момента, въ который выступаетъ уже изслѣдуемая личность. Предметомъ же нашего изслѣдованія является дѣятель,—извѣстный въ исторіи, но не носящій знатной фамиліи,—и потому-то не только объ его предкахъ, но даже о родителяхъ очень мало извѣстно. Все, что мы могли узнать о родителяхъ преподобнаго Діонисія, заключается въ слѣдующемъ. Отецъ Діонисія Ѳеодоръ и мать Іуліанія жили сначала въ городѣ Ржевѣ, а потомъ переселились въ г. Старицу. Въ Старицѣ Ѳедоръ былъ выбранъ въ старосты Ямской слободы и—вѣроятно—въ земскіе, хотя существовали еще старосты торговые, старосты таможенные, старосты кабацкіе и др. Но на основаніи того, что составитель житія преподобнаго Діонисія [2]) говоритъ обще, что „отецъ Діони-

[1]) Послѣ подробнаго очерка, такъ сказать, Тверскаго періода жизни и дѣятельности Діонисія мы дадимъ самый краткій очеркъ жизни и дѣятельности преподобнаго въ званіи Троицкаго архимандрита, а для лицъ, желающихъ познакомиться съ этимъ послѣднимъ предметомъ болѣе подробно, укажемъ въ концѣ нашего очерка всѣ тѣ источники, въ которыхъ они могутъ найти желаемыя свѣдѣнія.

[2]) Составителемъ житія препод. Діонисія былъ современникъ его—инокъ Симонъ Азарьинъ. Симонъ Азарьинъ—въ мірѣ Савва Леонтьевъ—былъ сначала слугой княжны Мстиславской. Затѣмъ со вкладомъ 50 р. онъ въ 1624 году поступилъ въ число монаховъ Троицкаго монастыря. По постриженіи Симона архимандритъ Діонисій оставилъ его у себя въ келіи въ званіи келейника, въ каковомъ званіи онъ прожилъ у Діонисія 6 лѣтъ, послѣ чего около 1630 года былъ назначенъ строите-

сія старѣйшинство пріемъ Ямскія слободы", нужно думать, что Ѳедоръ былъ земскимъ старостой [1]). Обязанности же земскаго старосты заключались въ слѣдующемъ: они должны были собирать и представлять въ Москву казенныя подати, напередъ записавъ ихъ въ „разметныя" книги, должны были вести дѣла по суду гражданскому въ своей земской избѣ и под. Если же земскій староста былъ начальникомъ судныхъ дѣлъ у своей братіи, то естественно, что въ эту должность народъ избиралъ людей болѣе уважаемыхъ, которымъ можно бы было довѣриться и которые по общему мірскому голосу признавались честными и разумными. На основаніи этого можно догадываться, что и Ѳедоръ—отецъ преподобнаго Діонисія обладалъ этими прекрасными качествами души.

лемъ въ приписной къ Троицкому монастырь на Алатырѣ. Въ 1634 г. послѣ казначея Іоасафа Пестрикова онъ былъ назначенъ казначеемъ Троицкаго монастыря, что было уже послѣ смерти его благодѣтеля,— архим. Діонисія; а въ 1646 году онъ былъ опредѣленъ даже келаремъ монастыря, каковую должность и проходилъ до 1653 года. Умеръ Симонъ въ Троицкомъ монастырѣ схимникомъ не ранѣе 1665 года. Житіе Діонисія, составленное Симономъ, отличается многими достоинствами: ясностью и простотою изложенія, что въ то время было рѣдкостью, значительной долей объективности въ сужденіяхъ о лицахъ и событіяхъ того времени, и обиліемъ довольно интересныхъ свѣдѣній о Діонисіѣ и другихъ лицахъ. Окончательную свою редакцію житіе это получило только въ 1654 году, хотя написано было уже въ 1648 году. Къ житію Діонисія, составленному Симономъ, присоединилъ большую и краснорѣчивую записку о житіи Діонисія священникъ Иванъ Насѣдка—другъ Діонисія. Эта записка также весьма важна для біографіи Діонисія. Житіе Діонисія было напечатано шесть разъ: въ 1808, 1816, 1817, 1824, 1834 и 1854 годахъ. Мы будемъ приводить изъ него цитаты по изданію 1834 года.

[1]) Отецъ Діонисія былъ старостой только одной слободы, а надъ всѣмъ городомъ начальникомъ былъ городовой прикащикъ—лице выше старосты (Ист. Биб. Твер. Еп. т. 1 стр. 13).

Долго-ли и какъ Ѳедоръ проходилъ должность старосты, мы не знаемъ. Только знаемъ, что впослѣдствіи, какъ онъ, такъ и его жена постриглись въ монашество подъ именами Ѳеодосія и Юліи. Это узнаемъ изъ надписей, сдѣланныхъ преподобнымъ Діонисіемъ на книгахъ, пожертвованныхъ имъ въ разныя церкви „въ вѣчный поминокъ“ по своимъ родителямъ; въ этихъ надписяхъ отецъ и мать Діонисія называются инокомъ и инокиней [1]). Трудно сказать, въ какихъ монастыряхъ они приняли постриженіе и проходили монашеское званіе. Ѳеодоръ могъ принять постриженіе въ томъ-же Старицкомъ Успенскомъ монастырѣ, въ которомъ ранѣе постригся сынъ его преподобный Діонисій. Умерли родители преподобнаго Діонисія въ концѣ 1616 года, такъ какъ подъ этимъ

---

[1]) Вотъ, напр., надпись преподобнаго Діонисія внизу по листамъ на Минеѣ служ. за мѣс. апрѣль, внесенной въ описаніе рукописей Троиц. Лавр. Библ. подъ № 554: «въ лѣто 7131 сентября въ первый день сію святую книгу, глаголемую Минею, мѣсяцъ апрѣль далъ въ церковь Господа нашего Іисуса Христа и собора святыхъ всехвальныхъ 12 апостоловъ и св. великихъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя и Іоны, митрополитовъ Кіевскихъ и всея Руси, въ Троицкую Сергіева монастыря въ Служную слободу Живоначальные Троицы Сергіева монастыря архимандритъ Діонисій по своихъ родителяхъ: инокѣ Ѳеодосьѣ, инокѣ Ульѣ, инокѣ Евфросинѣ, Вассѣ, священникѣ Ѳеодорѣ, Мамельѣ и по себѣ и по всѣхъ своихъ родителяхъ въ прокъ безъ отдачи—архимандритъ Діонисій». Съ подобною же надписью существуетъ книга Прологъ въ Старицкомъ монастырѣ, только здѣсь почему-то отецъ Діонисія, называясь инокомъ, именуется мірскимъ именемъ Ѳеодора. Вотъ эта надпись: «лѣта 7130-го декабря въ 25 день далъ сію святую книгу, рекомую прологъ, въ домъ Пречистыя Богородицы въ Старицкій монастырь Живоначальные Троицы Сергіева монастыря архимандритъ Діонисій въ вѣчный поминокъ по отцѣ своемъ инокѣ Ѳеодорѣ и по матери своей инокѣ Юліе и по своей душѣ и по инокѣ Ефросиньѣ, Вассѣ и по всѣхъ родителехъ во вѣки». (Ист. Библ. Твер. епар. т. 1 стр. 267).

годомъ они внесены въ Троицкій Лаврскій синодикъ [1]) и можно предполагать, что погребены были въ Троицкой обители, такъ какъ въ спискѣ надгробій Троицко-Сергіева монастыря, составленномъ въ XVII в., въ числѣ погребенныхъ въ этомъ монастырѣ упомянутъ „родъ Троицкаго архимандрита Діонисія“ [2]). Въ связи съ этимъ предположеніемъ можно установить и другое, именно, что Ѳеодоръ проводилъ монашескую жизнь въ самомъ Троицкомъ монастырѣ, гдѣ умеръ и погребенъ. Но все это не болѣе, какъ предположеніе, достовѣрно же извѣстно только то, что родители Діонисія приняли монашество и умерли въ этомъ званіи въ 1616 году; да еще съ полною достовѣрностію можно утверждать, что мать Діонисія умерла даже схимницей. Это можно видѣть изъ того мѣста помянника, помѣщеннаго при первопечатн. служебн. 1602 г., гдѣ при перечисленіи рода Діонисія сказано: „инока Ѳеодосія, иноку схимницу Улею, иноку Евфросинію, Вассу“; на поляхъ: „священноархимандрита Діонисія« (т. е. родъ). Эта *схимница Улея*—никто иная, какъ мать Діонисія. (См. печ. служб 1602 г., л. 461 об. при библіотекѣ Моск. Дух. Академіи).

Преподобный Діонисій родился еще тогда, когда родители его были во Ржевѣ; въ крещеніи онъ нареченъ былъ Давидомъ. По мѣсту своего рожденія онъ, обыкновенно, называется Ржевитиномъ, но въ послѣднее время сдѣлалось

---

[1]) Въ синодикѣ этомъ подъ годомъ 124 (г. е. 1616) записано: «инока Ѳеодосія, иноку Улію, иноку Ефросинью, Вассу и ихъ сродниковъ», а на верху: Троицкаго архимандрита Діонисія (т. е. родъ). Рук. Троиц. Лавр. Библ. № 41, л. 30.

[2]) Вотъ что значится въ этомъ спискѣ надгробій: «по лѣвую сторону той дороги, что ходятъ отъ святыхъ воротъ ко архимандричьямъ кельямъ—родъ Троицкаго архимандрита Діонисія» (т. е. погребен.). (Приложенія къ Истор. описанію Троицкой Лавры архим. Леонида стр. 91).

извѣстнымъ, что помимо этого Діонисій носилъ въ мірѣ и особую фамилію, каковою была Зобниновскій [1]). Годъ рожденія Діонисія точно неизвѣстенъ: Симонъ объ немъ не упоминаетъ. Но на основаніи нѣкоторыхъ соображеній можно думать, что преподобный Діонисій родился около 1570—71 годовъ [2]). Въ Старицу родители Діонисія переселились тог-

---

[1]) Это видно изъ описной книги Старицкаго монастыря, по которой въ 1607 г. Діонисію былъ переданъ монастырь. Въ книгѣ этой записаны, между прочимъ, вклады, сдѣланные въ монастырь Діонисіемъ еще въ то время, когда онъ былъ священникомъ села Ильинскаго. Пожертвованныя Діонисіемъ священныя облаченія записаны здѣсь слѣдующимъ образомъ: «ризы, стихарь и потрахель и поручи и поясъ дача села Ильинскаго вдоваго Богоявленскаго священника *Давида Ѳедоровича Зобниновскаго*». (См. Опис. Тверскаго Музея. Археологическій отдѣлъ А. К. Жизневскаго стр. 55—57). Между прочимъ, въ Кашинскомъ уѣздѣ (Тверск. губерн.) есть село *Зобнино*; отсюда съ вѣроятностію можно заключить, что родители преподобнаго Діонисія происходили изъ этого села, отъ имени котораго получили и свою фамилію.

[2]) Вотъ эти соображенія. По постриженіи въ Старицкомъ монастырѣ преподобный Діонисій былъ въ Москвѣ и былъ въ это время (по выраженію Симона) *юнъ лѣты*. А извѣстно, что до постриженія въ монахи онъ былъ еще священникомъ 6 лѣтъ, и слѣд. ко времени посѣщенія имъ Москвы ему было около 31 года, такъ какъ пельзя думать, чтобы по тогдашней церковной практикѣ, онъ былъ поставленъ въ священники моложе 25 лѣтъ (Стогл. гл. 25). Къ тридцати-лѣтнему возрасту можно приложить вышеуказанное выраженіе Симона, употребленное, очевидно, въ общемъ смыслѣ: былъ молодъ (не могъ же быть Діонисій тогда юношей въ *буквальномъ смыслѣ*). Время пребыванія Діонисія въ Старицкомъ монастырѣ можно опредѣлить 8—9 годами. Извѣстно, что онъ по поступленіи въ монастырь «по малѣхъ лѣтѣхъ» былъ поставленъ казначеемъ, а «потомъ», говоритъ Симонъ, онъ избранъ въ архимандриты. «Малыя лѣта», которыя Діонисій провелъ въ монастырѣ до казначейства своего, можно опредѣлить въ 2—3 года, періодъ времени, протекшій между его казначействомъ и архимандритствомъ, по смыслу словъ Симона («потомъ»), долженъ быть очень небольшой (не больше

да, когда ему было около 6—7 лѣтъ. Здѣсь-то отрокъ Давидъ былъ отданъ „въ наученіе грамотѣ“ двумъ Старицкимъ монахамъ Гурію Ржевитину и Герману Стареченину. Слѣдовательно, училище, которое Давидъ посѣщалъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми, находилось при Старицкомъ Успенскомъ монастырѣ, гдѣ жили учители его. Въ опредѣленіи Стоглава (гл. 26) было постановлено быть училищамъ при домахъ духовныхъ лицъ, но естественно, что учителя-монахи не могли жить и заниматься въ частныхъ своихъ домахъ. Впрочемъ, „если первоначальное ученіе Давида падаетъ на то время, когда Германъ былъ еще бѣлымъ священникомъ при Старицкой Предтеченской церкви (см. опис. рукоп. Троиц. Лавр. Библ. № 427), то онъ могъ ходить учиться къ Герману въ его домъ, гдѣ согласно постановленію Стоглава могло быть училище [1]). Такъ какъ учителями въ то

года), а архимандритомъ былъ Діонисій въ Старицѣ съ 1605 года по 1610 годъ т. е. 5 лѣтъ. Послѣ этого онъ былъ архимандритомъ Троицкаго монастыря 23 года. Складывая всѣ эти годы (31, 8—9, 23) получимъ 62—63 года; умеръ же преподобный Діонисій въ 1633 году и слѣд. родился около 1570—71 годовъ. Наши догадки нѣсколько подтверждаетъ и слѣдующее обстоятельство. Одинъ священно-инокъ Перфилій печалился о смерти Діонисія, между прочимъ, потому, что онъ (Діонисій) умеръ «еще не у дозрѣлу въ старости» (Рук. Троиц. Лавр. Библ. № 700 л. 58 об.). Такое выраженіе можетъ быть вполнѣ примѣнено къ 60-лѣтнему возрасту, потому что этотъ возрастъ не есть еще старческій, а является какъ-бы переходной ступенью къ старости, и слѣд. это такой возрастъ, о которомъ всего лучше сказать: «еще не у до зрѣлу въ старости». Наконецъ, въ Описаніи рук. Троиц. Лавр. Библіотеки находимъ замѣтку составителя «Описанія», что преподобный Діонисій умеръ около 60 лѣтъ, хотя основаній для этого не указывается тутъ ни какихъ. (Опис Рук. Тр. Лавр. Библ. № 427).

[1]) Что въ древности дѣти собирались въ извѣстномъ домѣ, въ училищѣ и занимались тамъ до вечера или до вечерень,—это достовѣрно

время были преимущественно монахи и вообще лица духовныя, да и самое направленіе умовъ нашихъ предковъ было религіозно-нравственное, то понятно, что все обученіе юношества носило религіозный и церковный характеръ. По этому-то въ азбуковникахъ древнихъ сама „мудрость“ говоритъ ученику, что когда онъ выучитъ азбуку и будетъ знать ее въ совершенствѣ, долженъ выучить потомъ Часословъ и Псалтырь, и относительно этихъ книгъ выражается такъ, что безъ нихъ и ученія никогда не бываетъ: »ктому не глаголю ти о Часословѣ и Псалтыри, безъ нихъ же сіе не бываетъ [1]), хотя то, какъ замѣчаетъ г. Мордовцевъ, и въ начальныхъ школахъ тогдашнихъ“ ученье не ограничивалось умѣньемъ читать Часословъ и Псалтырь, а распространялось на другія знанія, бывшія внѣ круга церковныхъ книгъ [2]). Каково было вообще первоначальное обученіе юношества, таково же было и обученіе Давида. Изъ двухъ учителей его болѣе замѣчателенъ Германъ [3]). Это тотъ самый Германъ Тулуповъ, который извѣстенъ, какъ списатель „Четьи-Миней“. Сначала онъ былъ бѣлымъ священникомъ Предтеченской церкви въ Старицѣ и носилъ имя Юрій; затѣмъ былъ монахомъ Старицкаго монастыря (опис, рук. Тр. Лавр. Библ. № 427) [4]).

и доказывается очень многими мѣстами древнихъ азбуковниковъ. (Чт. Общ Ист. и древ. Рос. 1861 г., ч. 4, отд. 1 стр. 5).

1) Чг. Общ. Ист. и др. Рос. 1861 г. ч. 4, отд. 1 стр. 29.

2) Чг. Общ. Ист. и др. Рос. 1861 г. ч. 4, отд. 1 стр. 30.

3) Въ рукописномъ житіи Діонисія, хранящемся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, учитель Діонисія названъ не Германомъ, а Гермогеномъ. (Опис. рус. и слав. рук. Имп. Пуб. Библ., *Бычкова*, сб. 1 стр. 100), Но это не вѣрно.

4) У Германа отецъ былъ также инокомъ, какъ это видно изъ надписи на рукописи № 171 Моск. дух. ак : «книга Іосифа Волоцкаго», которую Германъ Тулуповъ далъ «по отце своемъ инокѣ Іонѣ и мате-

Изъ Старицкаго монастыря онъ перешелъ въ Троицкій, гдѣ во время архимандритства своего ученика и занимался списываніемъ и собираніемъ житій святыхъ. Съ 1627 по 1632 годъ онъ написалъ Четьи-Минеи за цѣлый годъ, за исключеніемъ апрѣля мѣсяца. Кромѣ того, онъ собралъ и переписалъ много отдѣльныхъ житій святыхъ, переписалъ также Каноникъ, Минею служебную—мѣсяцъ декабрь, Трефологъ и Прологъ [1]). Трудъ переписки Четьи-Миней Германъ предпринялъ по порученію архимандрита Діонисія. Относительно качества этого труда должно замѣтить, что Германъ старался дать мѣсто въ своемъ сборникѣ Четьи-Миней всему, что находилъ подъ рукою: онъ не только переписывалъ памятники цѣликомъ, но даже охотно помѣщалъ рядомъ разныя редакціи одного и того же памятника; въ этомъ отношеніи онъ отличается отъ другаго списателя Четьи-Миней священника Милютина, который, пользуясь впослѣдствіи трудами Тулупова, старался писать, какъ говоритъ самъ, „съ разумныхъ списковъ тщася обрѣсти правая“,— и дорожа временемъ, сокращалъ и передѣлывалъ памятники, опуская въ житіяхъ предисловія и похвальныя слова [2]). И такъ, мы видимъ, что Германъ былъ очень трудолюбивый переписчикъ. „Между твореніями рукъ человѣческихъ, говоритъ Кассіодоръ, я отдалъ бы преимущество труду переписчиковъ духовныхъ манускриптовъ, если они дѣлаютъ свое дѣло съ

ре Марьѣ». (Свѣд. о славянскихъ рук., перешедшихъ изъ Троиц. Лавры въ Моск. дух. ак. архим. Леонида, II стр. 25)

[1]) Описаніе рук. Троиц. Лавр. Библ. №№: 303, 514, 628, 695, 696, 699 и 727. Всѣ книги, внесенныя подъ этими номерами, написаны Тулуповымъ. Житіе пр. Сергія и Никона, написанное рукою Германа, исправлялъ и дополнялъ самъ препод. Діонисій (№ 699).

[2]) Церковно-Историч. Словарь А. Верховскаго т. 1, вып. 1, стр. 141.

самою возможною точностію“ [1]); труды Германа не могутъ, къ сожалѣнію, похвалиться этой точностію. Это происходило отчасти отъ того, что онъ очень уже много занимался переписываніемъ и за старостію былъ слабъ зрѣніемъ. Умеръ Германъ въ глубокой старости въ 1637 году, переживши своего ученика на 4 года [2]). О другомъ учителѣ Діонисія Гуріи Ржевитинѣ мы не имѣемъ свѣдѣній.

По отзывамъ названныхъ учителей преподобнаго Діонисія, а равно земляковъ его старца Сергѣя и Никиты Кучина [3]), изъ коихъ первый былъ потомъ келейникомъ Діонисія, а послѣдній слугою, отрокъ Давидъ отличался скромнымъ характеромъ и былъ самымъ прилежнымъ ученикомъ: онъ большею частію уклонялся отъ игръ и разныхъ дѣтскихъ шалостей. Какъ это часто бываетъ во всѣхъ училищахъ, скромность и доброе поведеніе Давида давали случай и поводъ шаловливымъ и рѣзвымъ дѣтямъ посмѣяться и поглумиться надъ нимъ. Дѣти нерѣдко обращаютъ въ свою игрушку того, кто имъ поддается. Потому-то скромному мальчику въ школѣ приходится не рѣдко терпѣть отъ товарищей,—получать отъ нихъ разныя щипки, пинки, заушенія и пр. Тоже самое перенесъ въ школѣ и отрокъ Давидъ, такъ что, кромѣ разныхъ глумленій и насмѣшекъ, и „язвы отъ нихъ (т. е. отъ товарищей) на тѣлѣ своемъ ношаше“. Давида прозвали даже какимъ-то ругательнымъ именемъ. Какъ бываетъ даже и доселѣ, въ тогдашнихъ училищахъ въ отношеніяхъ между учениками были разныя ненормальности: они дрались,

---

[1]) De instit. divin. script. lib. 1, p. 27—30.

[2]) Рукоп. Тр. Лавр. Библ. № 41 листъ 35.

[3]) Это тотъ самый Никита Кучинъ, которому было видѣніе во снѣ человѣка, давшаго ему складни съ написаннымъ житіемъ преподобнаго Діонисія.

давали другъ другу прозвища и т. под. Это мы видимъ изъ древнихъ Азбуковниковъ, которые предостерегаютъ учениковъ отъ такихъ неразумныхъ шалостей. „Егда же учитель отпуститъ васъ, говорится въ одномъ Азбуковникѣ, со всякимъ смиреніемъ до дому своего идите: шутокъ, кощунствъ, пханія же другъ друга и біенія и рѣзваго бѣганія и каменоверженія и всякихъ ненадобныхъ дѣтскихъ глумленій да не водворится въ васъ“ [1]). Въ другомъ Азбуковникѣ прямо говорится: „не потѣсняй мѣстомъ ближняго твоего и не называй прозвищемъ товарища своего“ [2]). Отсюда вполнѣ понятными становятся выраженія Симона, въ которыхъ онъ говоритъ, что дѣти глумились надъ Давидомъ, „кличь творяще“—это просто значитъ: ругали его какимъ нибудь прозвищемъ, или: „ово длани своя согнувше, біяху пхающе“, т. е. дрались кулаками; или наконецъ: „ово свертки холщевые въ рукахъ имуще, уязвляху святого“ [3]), т. е. хлестали Давида холщевыми, скрученными изъ полотна жгутами. И такъ, Давиду, какъ мальчику скромному, порядочно пришлось перенести непріятностей въ школѣ, что не осталось конечно безъ вліянія на образованіе его характера.—Однако Давидъ въ школѣ не былъ забитъ ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніяхъ: онъ не сдѣлался ни озлобленнымъ, ни запуганнымъ, какъ это случается съ нѣкоторыми мальчиками. Сколько школа принесла ему пользы въ образовательномъ отношеніи,—неизвѣстно: не себѣ-ли больше, чѣмъ школѣ, онъ обязанъ тѣми свѣдѣніями и тѣмъ умственнымъ развитіемъ, которыя проявились въ его послѣдующей многосторонней дѣятельности. Впрочемъ, и въ шко-

---

[1]) Чт Общ. Ист. и др. рос. 1861 г. ч. 4, отд. 1, стр. 21—22.

[2]) Чт. Общ. Ист. и др. рос. 1861 г. ч. 4, отд. 1. стр. 8.

[3]) Житіе препод. Діонисія стр. 11.

лѣ онъ былъ замѣченъ со стороны талантливости отцемъ своимъ духовнымъ Григоріемъ, который удивлялся его смиренію и крѣпкому разуму, а потому ставилъ его въ примѣръ своимъ дѣтямъ: „зрите, говорилъ онъ, чада моя, сего сына моего духовнаго, сей нѣкогда будетъ намъ отцемъ“ [1]). Обучался Давидъ, надо думать, не короткій срокъ, потому что Симонъ окончаніе образованія Давида и его совершенный возрастъ ставитъ рядомъ.

Неизвѣстно, впрочемъ, сколько именно времени продолжалось обученіе Давида въ школѣ, но только что будучи отъ природы скромнымъ и тихимъ, Давидъ, по окончаніи ученья, достигши, „совершеннаго возраста“, хотѣлъ постричься въ монашество. Желаніе Давида поступить въ монастырь, можетъ быть, обусловливалось не только однимъ стремленіемъ отрѣшиться отъ міра, а и тѣмъ, чтобы въ монастырѣ удовлетворить пробудившейся въ немъ жаждѣ знанія. Даровитый отъ природы юноша, онъ, отвѣдавъ сладости знанія, почуствовалъ потребность болѣе совершеннаго знанія и просвѣщенія; а гдѣ было искать полнаго и высшаго удовлетворенія этой жаждѣ духа въ то время, когда школъ было такъ мало, да и тѣ доставляли ученикамъ самыя скудныя знанія? Только въ монастыряхъ и можно было находить тогда утоленіе этой жажды. Книжное богатство монастырей и сосредоточеніе въ нихъ просвѣщенія привлекали туда юношей, которые ради этого оставляли дома и поступали въ монастырь [2]). Но желаніе Давида расходилось съ желаніями ро-

---

[1]) Житіе препод. Дюнисія стр. 11.

[2]) Извѣстно, что нѣкоторые постриженники старались выбрать для себя такой монастырь, въ которомъ больше книгъ. Такъ инокъ Сергіевой Лавры пр. Епифаній пишетъ о св. Стефанѣ Пермскомъ, что онъ потому самому избралъ для иноческой жизни Ростовскій богословскій монастырь, «яко многи книги бяху ту» (Пр. Сов. 1858 г. ч. 1. стр. 503).

дителей его: послѣднимъ непремѣнно хотѣлось, чтобы сынъ женился. Вопреки внутреннимъ влеченіямъ своимъ онъ, всегда послушный, исполнилъ волю родителей: женился на нѣкоей дѣвицѣ Вассѣ. Женившись же, онъ, вмѣсто монашескаго званія, принялъ на себя священническое, какового сана, по свидѣтельству Симона, былъ сподобленъ „благочестія его ради“. По предполагаемому нами вычисленію, это было около 1595—96 годовъ. Священникомъ Давидъ былъ опредѣленъ къ церкви Богоявленія Господня,—въ село Ильинское, отстоящее отъ Старицы въ 12 верстахъ, гдѣ и прослужилъ въ званіи священника 6 лѣтъ. Объ его жизни и дѣятельности за этотъ періодъ времени намъ ничего не извѣстно. По прошествіи же шести лѣтъ супружеской жизни жена Давида умерла [1]), тогда же умерли и два сына его Василій и Косьма. И вотъ Давидъ снова сдѣлался свободенъ отъ брачныхъ узъ и вмѣстѣ отъ связей съ міромъ.

Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ въ молодомъ священникѣ со всею силою проснулись прежнія влеченія къ монашеству. Смерть жены и смерть двухъ сыновей были ему какъ бы еще новымъ указаніемъ перста Божія, призывавшаго его къ новому званію. Кромѣ того въ тогдашнее время положеніе вдоваго священника было очень стѣснено: онъ не имѣлъ права служить литургію (Стогл. гл. 77—8). Поэтому то Давидъ, нисколько не медля, оставляетъ свой приходъ, оставляетъ и свой домъ и отправляется въ Старицу съ твердымъ намѣреніемъ принять въ тамошнемъ Успенскомъ монастырѣ постриженіе въ монашество, что̀ дѣйствительно и исполнилъ, назвавшись при постриже-

[1]) Имя Вассы значится во всѣхъ надписяхъ на книгахъ, данныхъ Діописіемъ на поминовеніе своихъ родственниковъ (см. выше примѣч. 1 стр. 4—5), а также въ Лаврскомъ Синодикѣ (Рук. Тр. Лавр. Библ. № 41, л. 30).

ніи именемъ Діонисія; это было около 1601—1602 года. Постригалъ Діонисія, вѣроятно, архимандритъ Пименъ, бывшій въ то время настоятелемъ Старицкаго монастыря, такъ какъ за нимъ непосредственно настоятелемъ называется Діонисій [1]). Какъ монахъ по призванію, а не по случаю или разсчету, Діонисій, поступивши въ монастырь, сталъ проводить жизнь истинно-монашескую, „подвизаяся о спасеніи своемъ, якоже отъ юности своея извыче". [2]) Съ этого же времени извѣстія объ немъ становятся какъ будто нѣсколко опредѣленнѣе. Можно думать, что вскорѣ же послѣ постриженія онъ былъ замѣченъ съ хорошей стороны монастырскими властями, потому что, хотя онъ еще не занималъ въ монастырѣ ни какой должности, однако ему поручаютъ вмѣстѣ съ другими монахами поѣздку въ Москву для церковныхъ требъ монастыря; а такъ какъ потребы эти касались, между прочимъ, и церковныхъ книгъ, то Діонисій отправленъ былъ въ Москву за книгами, естественно, потому, что онъ замѣченъ былъ властями со стороны его начитанности и образованности. Вполнѣ вѣроятно, что въ періодъ іеромонашества своего въ Старицкомъ монастырѣ, какъ во время болѣе свободное, Діонисій путемъ чтенія обогатилъ себя знаніями, преимущественно, конечно, богословскими. Въ упомянутую поѣздку въ Москву какой-то негодный человѣкъ нанесъ Діонисію то оскорбленіе, о которомъ довольно подробно разсказываетъ Симонъ Азарьинъ. Однажды преподобный Діонисій вышелъ на торгъ для покупки книгъ. Здѣсь нѣкто, увидя среди народа молодого, красиваго, высокаго и цвѣтущаго здоровьемъ монаха, соблазнился и сначала подумалъ про себя, что такой монахъ врядь-ли можетъ удержаться

---

[1]) Истор. Библ. Твер. епар. т. 1.

[2]) Житіе Діонисія стр. 12—13.

отъ соблазновъ плоти, а потомъ высказалъ эту мысль Діонисію и высказалъ въ такой грубой формѣ, что, по выраженію Симона, „не токмо инокамъ, но и мірскимъ человѣкомъ нелѣпо слышать это“. [1]) Но на эту грубую выходку смиренный Діонисій нисколько не разсердился, но кротко сказалъ: „ей, брате, тако, якоже ты помыслилъ еси о мнѣ и таковъ есмь азъ грѣшный, якоже изрекъ еси: Богъ тебѣ о мнѣ открылъ. Аще бы азъ истинный инокъ былъ, не быхъ по торжищу сему бродилъ, и не скиталъ быхся сице между мірскими людьми, но сидѣлъ бы въ своей келіи, прости мя Бога ради грѣшнаго, яко безуменъ есмь. [2]) Конечно, такой отвѣтъ преподобнаго на грубую брань произвелъ на окружающихъ очень сильное впечатлѣніе въ его пользу, и потому-то бывшіе тутъ всѣ „на глумника того крикнуша, буимъ и невѣжею нарицающе его“. Но смиренію Діонисія еще не былъ тутъ конецъ, онъ опять кротко говоритъ: „ни, братіе, азъ буй и невѣжа есмь, той же, яко отъ Бога посланъ и глаголы его ко мнѣ вси праведны суть на утвержденіе мое, да не буду впредь по торжищу сему екитатися, и пребуду въ келіи своей“. [3]) Это новое и сильнѣйшее проявленіе христіанскаго смиренія подѣйствовало и на самаго „глумника“, и онъ созналъ свою дерзость и испросилъ прощенія. Этотъ случай въ Москвѣ въ первый разъ со всею ясностію обнаружилъ тѣ главныя черты характера преподобнаго Діонисія—кротость и добродушіе, которыми онъ потомъ руководился во все время своего настоятельства въ Троицкомъ монастырѣ.

Замѣченный еще раньше монастырскими властями, Діонисій скоро по возвращеніи изъ Москвы въ свой монастырь

---

[1]) Житіе Діонисія стр. 13.

[2]) Житіе Діонисія стр. 13—14.

[3]) Житіе Діонисія стр. 14.

былъ поставленъ казначеемъ манастыря; а потомъ и архимандритомъ.

Въ которомъ году преподобный Діонисій былъ сдѣланъ архимандритомъ Старицкаго монастыря? Извѣстно, что 10-го іюня 1605 года первый патріархъ Іовъ былъ сверженъ съ патріаршаго престола по тонко-высказанному желанію Лжедимитрія 1, который въ грамотѣ въ Москву писалъ, что онъ только тогда вступитъ въ Москву, когда враги его будутъ истреблены до послѣдняго. Въ числѣ этихъ враговъ былъ и Іовъ. Поэтому-то онъ и подвергся сверженію съ патріаршаго престола и былъ сосланъ на изгнаніе въ городъ Старицу—въ тотъ самый Успенскій монастырь, въ которомъ онъ былъ постриженъ и нѣкоторое время настоятельствовалъ. Въ этомъ-то монастырѣ встрѣчаетъ его архимандритъ Діонисій, который, угостивъ приставовъ, прибывшихъ съ патріархомъ, отпустилъ ихъ и явился къ Іову. Хотя было приказано держать Іова какъ можно строже,— „во озлобленіи скорбнемъ“; но Діонисій напротивъ постарался сблизиться со сверженнымъ патріархомъ и сталъ испрашивать у него наставленій и приказаній, при чемъ старался успокоить невиннаго страдальца. [1]) И такъ, если Діонисій встрѣчаетъ Іова въ званіи архимандрита монастыря, то ясно, что онъ былъ поставленъ на этотъ постъ ранѣе, т. е. до 10 іюня 1605 года. Поэтому-то, обыкновенно, на 1605 годъ указываютъ, какъ на годъ назначенія Діонисія на архимандрію въ Старицкій монастырь. [2])

---

[1]) Эти извѣстія сохранились въ рук. Сав.-Стар. монастыря № 84 въ статьѣ: «исторія о первомъ Іовѣ патріархѣ», а также въ рукописяхъ Румянцевскаго Музея №№: 156, 39, 364. (См. Востокова, Опис. Румянц. Музея подъ указанными номерами). Но мы, не имѣя подъ руками этихъ рукописей, изложили эту исторію по Макарію (т. 10, стр 95—96.)

[2]) Такъ опредѣляется годъ назначенія Діонисія въ архимандрита у

И это должно признать вѣрнымъ. Но существуютъ однако извѣстія, которыя, повидимому, ясно доказываютъ, что Діонисій въ это время не могъ быть Старицкимъ архимандритомъ. Такихъ извѣстій два. Во первыхъ „описная книга“ Старицкаго монастыря, по которой имущество монастыря послѣ прежняго архиманрита Пимена передавалось Діонисію. [1]) Такъ какъ такія описи производились при каждой перемѣнѣ монастырскаго настоятеля, [2]) а опись, по которой передано имущество монастыря Діонисію, помѣчена 1607 годомъ, августа 6 днемъ, то слѣдовательно назначеніе Діонисія въ настоятели произошло только въ этомъ году (1607). —Другое извѣстіе, стоящее въ противорѣчіи съ указаніемъ на 1605 годъ, какъ на время назначенія Діонисія архимандритомъ въ Старицу, находится у Симона Азарьина. Симонъ Азарьинъ говоритъ, что преподобный Діонисій въ званіи архимандрита пробылъ въ Старицкомъ монастырѣ „мало больше двухъ лѣтъ“. А извѣстно, что послѣ настоятельства въ Старицѣ Діонисій прямо былъ назначенъ въ архимандриты къ Троицѣ, что было въ началѣ 1610 года и слѣдовательно архимандритомъ въ Старицу онъ былъ назначенъ не раньше конца 1607 года и не позже начала 1608. Извѣстіе Симона тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно записано имъ со словъ самого Діонисія: „яко же самъ повѣда“.

Обратимся къ разбору перваго извѣстія, сохранившагося въ „описной книгѣ“. Дѣйствительно, нельзя спорить противъ того, что описи монастыря производились не періоди-

---

Макарія (т. 10), въ исторіи Рос. іерарх. т. 6, стр. 296, въ Чтен. Общ. Люб. 1865 г. 2, стр. 26.

[1]) Истор. Библ. Твер. епар. т. 1, гдѣ находится на первомъ планѣ и эта «описная книга» 1607 г. авг. 6.

[2]) Истор. Библ. Твер. епар т. 1, стр. 83—84.

чески, т. е. не по истеченіи извѣстнаго времени, напримѣръ—десятилѣтія, а только при каждой перемѣнѣ настоятеля монастыря. Съ другой стороны нужно признать вообще вѣрнымъ и то, что эта опись по возможности производилась вскорѣ по назначеніи новаго настоятеля. Но значитъ ли все это, что не могло быть никакихъ отступленій отъ этихъ правилъ? Если случалось, что обстоятельства задерживали обнародованіе или изданіе указовъ или какихъ либо грамотъ, имѣвшихъ государственное значеніе, то что удивительнаго, что дѣла менѣе важныя откладывались иногда на неопредѣленный срокъ?! Дѣло въ томъ, что опись монастыря производилась „по Государевѣ и царевѣ грамотѣ“. [1]) А Государь и его правительство на Руси около 1605 г. были такъ заняты другими дѣлами, не терпѣвшими отлагательства, что они никакъ не могли обратить вниманіе, что тамъ въ какомъ-то монастырѣ пора быть описи. Когда Діонисій былъ назначенъ архимандритомъ, тогда приближалось появленіе самозванца въ Москвѣ, было ли это назначеніе еще при Борисѣ (ум. 1605 г. апр. 13 г.), или его сынѣ Ѳедорѣ—все равно: вниманіе всѣхъ царевыхъ органовъ было поглощено приближеніемъ Лжедимитрія къ Москвѣ. Однимъ словомъ, скорому изданію грамоты объ описи попрепятствовало наступавшее смутное время. Что эта грамота не была послана при Лжедимитріи, то это опять понятно: дѣлъ и безъ того было ужасно много. Царь Шуйскій со своимъ правительствомъ тоже былъ постоянно занятъ смутой и не вдругъ удосужился дать такую грамоту. [2]) И такъ,

---

[1]) Истор. Библ. Твер. епарх. т. 1, стр. 83.

[2]) Стоитъ замѣтить, что эта грамота выдана тогда, когда у Шуйскаго дѣла нѣсколько поправились; т. е. послѣ разрѣшенія, которое далъ народу Іовъ.

царской грамоты о передачѣ архимандриту Діонисію монастыря долго не издавалось по смутнымъ обстоятельствамъ: тогда, несомнѣнно, объ этомъ маловажномъ сравнительно съ другими дѣлѣ совсѣмъ забыли. На это указалъ и Преосвященный Макарій. [1]) Но что всего интереснѣе,—такъ это то, что таже самая опись, на основаніи которой можно бы утверждать, что Діонисій былъ поставленъ въ архимандриты въ 1607 году, даетъ намъ доказательство, что онъ поставленъ раньше этого года. На страницѣ 25-й читаемъ: „7115 года октября въ 20 день (т. е. чуть не за годъ до описи) далъ въ домъ Пречистыя Богородицы святѣйшій Іовъ патріархъ Московскій и всея Русіи при своемъ животѣ по своей душѣ и по своихъ родителяхъ, при архимандритѣ Діонисіѣ Божія милосердія“, [2]) и потомъ перечисляется много образовъ, пожертвованныхъ Іовомъ. Значитъ, 20 октября въ 1606 году Діонисій уже былъ архимандритомъ, хотя еще ему и не сданъ былъ монастырь по описи. Такъ устраняется мнѣніе, которое бы можно обосновать на „описи“, что Діонисій былъ назначенъ архимандритомъ въ Старицкій Успенскій монастырь въ 1607 году.

Гораздо больше вниманія заслуживаетъ другое извѣстіе, сохранившееся у Симона. Тутъ, кажется, не можетъ быть никакихъ споровъ и объясненій: дѣло основано на ариѳметикѣ. Если Діонисій былъ назначенъ на архимандрію въ Троицкій монастырь въ 1610 году, а предъ этимъ „два года съ небольшимъ“ былъ настоятелемъ въ Старицкомъ монастырѣ, то ясно, какъ Божій день, что въ Старицу настоя-

---

[1]) Макарій. Исторія Русс. церкви т. 10, стр. 96 прим.

[2]) Истор. Библ. Твер. епар. т. 1, стр. 25. Тоже можно выводить изъ того извѣстія, что въ этой описи упоминаются вещи, поступившія уже въ монастырь въ прибыль при архимандритѣ Діонисіи (стр. 63—66).

телемъ онъ былъ назначенъ въ 1610 году—(минусъ) 2 года съ небольшимъ, т. е. въ 1607—8 году.

Но это только такъ кажется. Не заподозривая Симона въ этомъ случаѣ въ невѣрности сообщенія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ думаемъ согласить его извѣстіе съ нашимъ мнѣніемъ о годѣ назначенія Діонисія въ архимандриты Старицкаго монастыря. Но для этого напередъ намъ нужно изложить ходъ нѣкоторыхъ событій того времени и указать, когда, гдѣ и какое дѣятельное участіе принималъ преподобный Діонисій въ этихъ событіяхъ. Какъ будто говорить о дѣятельности Діонисія въ званіи архимандрита раньше окончательнаго установленія года его назначенія въ архимандриты представляется преждевременнымъ, но такъ какъ знакомство съ этой самой дѣятельностью даетъ намъ возможность сдѣлать нѣкоторые выводы, могущіе послужить къ примиренію двухъ разнорѣчивыхъ извѣстій о первомъ годѣ архимандритства Діонисія, то мы и рѣшились сказать объ ней раньше.

Царствованіе Василія Шуйскаго все прошло въ смутахъ. Не болѣе, какъ черезъ два мѣсяца послѣ вѣнчанія Василія разнесся слухъ, что Димитрій, котораго убили въ Москвѣ, живъ и убѣжалъ въ Польшу. Вмѣстѣ съ этимъ началось и движеніе въ пользу новаго Лжедимитрія и прежде всего вся сѣверская земля приняла его сторону. Во главѣ этого новаго движенія стоялъ нѣкто Болотниковъ: онъ именемъ Димитрія собиралъ около себя казаковъ и бѣглыхъ людей, возбуждая ихъ противъ владѣльцевъ. Движеніе это мало по малу приняло очень грозные размѣры. Изъ сѣверской земли, гдѣ оно началось, Болотниковъ съ огромной толпой всякаго сброду подвигался къ Москвѣ и по дорогѣ ему сдавались новые города. 2 декабря онъ уже былъ въ селѣ Коломенскомъ. Но такъ какъ въ средѣ полчищъ Болотникова проявилось недовольство дворянъ и боярскихъ дѣтей тѣмъ, что

холопы хотятъ быть равными имъ, то они начали отступать отъ него. И Болотниковъ былъ отбитъ Скопинымъ-Шуйскимъ и ушелъ въ Калугу.

Послѣ этого царь Василій задумалъ устроить торжественную религіозную церемонію, чтобы нравственно подѣйствовать на народъ, который, конечно, чувствовалъ себя тогда очень плохо, такъ какъ на глазахъ его въ нѣсколько лѣтъ совершилось столько кровавыхъ событій, виновникомъ которыхъ онъ (народъ) могъ считать и себя: онъ столько разъ присягалъ и столько разъ измѣнялъ присягѣ. Для этого-то, по совѣту съ патріархомъ Гермогеномъ, царь вознамѣрился вызвать заключеннаго въ Старицѣ патріарха Іова, чтобы послѣдній вмѣстѣ съ Гермогеномъ простилъ и разрѣшилъ православныхъ христіанъ въ ихъ клятвопреступленіяхъ, которыя народъ допустилъ еще при патріаршествѣ Іова. И вотъ, за Іовомъ были отправлены въ 1607 году 5 февраля митрополитъ Сарскій и Подонскій Пафнутій, Симоновскій архимандритъ Пименъ, архидіаконъ Алимпій; 14 февраля того же года Іовъ уже пріѣхалъ въ Москву, а 20 числа совершилъ то, для чего пріѣзжалъ. Не имѣя на то положительныхъ указаній, мы догадываемся всетаки, что вмѣстѣ съ Іовомъ отправился тогда въ Москву и архимандритъ Діонисій. Патріархъ Іовъ, который, конечно, полюбилъ Діонисія за его услужливость и истинно-христіанскую жизнь, могъ пригласить Діонисія сопутствовать ему въ такомъ важномъ путешествіи, да и самъ Діонисій могъ имѣть внутреннее побужденіе отправиться съ патріархомъ. Если впослѣдствіи, какъ увидимъ, онъ такъ горячо относился къ разнымъ государственнымъ бѣдамъ, то конечно и теперь имѣлъ сердечное влеченіе видѣть, въ какомъ положеніи находится Москва, и если будетъ нужно, то и самому вложить долю труда въ предпринимаемое царемъ дѣло. Если эту догадку нельзя

признать за несомнѣнную истину, то во всякомъ случаѣ можно признать за очень вѣроятное предположеніе. [1]) Въ это-то съ вѣроятностію предполагаемое нами посѣщеніе Діонисіемъ Москвы вмѣстѣ съ Іовомъ патріархъ Гермогенъ и могъ въ первый разъ познакомиться съ преподобнымъ. Хотя Діонисій по своему характеру былъ нисколько не похожъ на Гермогена, потому что одинъ изъ нихъ—Гермогенъ—былъ суровъ, тяжелъ въ обращеніи, строгъ и сердитъ,—другой—Діонисій—былъ всегда спокоенъ, кротокъ и благодушенъ, однако эти двѣ личности имѣли то общее, что обѣ были одинаково прямодушны, честны, благочестивы и одинаково любили отечество. При первомъ же знакомствѣ съ Діонисіемъ Гермогенъ не могъ не замѣтить тѣхъ высокихъ качествъ души его, которыми преисполненъ былъ самъ, а замѣтивъ не могъ не обратить на него особеннаго вниманія. Все это, говоримъ мы, произошло въ первое знакомство Діонисія съ Гермогеномъ и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что спустя годъ послѣ этого, по извѣстію Симона, мы видимъ Діонисія уже въ большой любви у Гермогена. Въ этотъ же пріѣздъ преподобнаго Діонисія въ Москву онъ могъ дать движеніе тому дѣлу, о которомъ въ Москвѣ за смутами позабыли, т. е. могъ ускорить дѣло о высылкѣ грамоты, по которой бы можно произвести опись въ Старицкомъ монастырѣ. И дѣйствительно, такая грамота была получена въ Старицѣ въ томъ-же 1607 году. Сдѣлавши свое дѣло, Іовъ опять возвратился въ Старицу, а съ нимъ и преп. Діонисій, котораго видимъ при погребеніи патр. Іова, скончавшагося въ томъ же году 19-го іюня [2]) и погребеннаго при Старицкомъ

[1]) Авторъ статьи въ Чтен. Общ. люб. дух. просв. за 1865 г. за несомнѣнное полагаетъ, что Діонисій вмѣстѣ съ патріархомъ Іовомъ былъ въ Москвѣ (стр. 27).

[2]) Истор. библ. Твер епар. т. 1, стр. 5—6, прим.

монастырѣ, откуда потомъ мощи его были перенесены въ Москву. [1])

Между тѣмъ царь Василій Шуйскій снова принужденъ былъ имѣть дѣло съ Болотниковымъ и Лже-Петромъ, называвшимся сыномъ Ѳеодора Ивановича. На этотъ разъ Болотниковъ съ своими шайками былъ осажденъ въ Тулѣ и принужденъ былъ сдаться, такъ какъ, благодаря догадкѣ боярскаго сына Кравкова, Тула была затоплена. Взятыхъ въ плѣнъ—Болотникова утопили, а Лже-петра повѣсили. Но это не остановило движенія, поднявшагося въ сѣверской землѣ. Тамъ по прежнему поддерживалась мысль, что Димитрій живъ, и вотъ наконецъ 1-го августа 1607 года въ Стародубѣ проявился тотъ, въ пользу котораго еще никѣмъ невиданнаго и незнаемаго совершалось движеніе. Около этого-то лица и собрались бродячія польскія дружины подъ предводительствомъ Сапѣги и Лисовскаго, а равно казаки и бѣглецы. И съ этими полчищами новый Лже-Димитрій сталъ подвигаться къ Москвѣ, и чѣмъ ближе подвигался, тѣмъ грознѣе становилось это движеніе. Въ Москвѣ же, между тѣмъ, волненія противъ Шуйскаго и недовольство его прав-

[1]) Впослѣдствіи при Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1652 году, когда были обрѣтены мощи Іова, преп. Діонисій, въ ночь предъ тѣмъ, когда были намѣрены выйти съ мощами Іова въ Москву, явился въ Старицкомъ монастырѣ митр. Варлааму Ростовскому, который находился въ церкви и молился предъ заутреней Богу. «Предъ заутренями стоящу митрополиту на своемъ мѣстѣ (свидѣтельствуетъ Симонъ) молитву изъ устъ Господу Богу приносящу и мнѣвшему ему сонъ зрѣти, слышитъ глаголющихъ повѣдающихъ ему пришествіе къ нему архимандрита Діонисія. Онъ же зритъ его впереди кадильницу въ руку имуща и угліе раздувающа, и первое покадивъ образы, потомъ его покадивъ, и абіе возбнувъ и бысть въ себѣ; той же невидимъ бысть отъ очію его, точію благоуханіе веліе ощутивъ, дивяся въ мысли своей о таковомъ видѣніи.» (Рук. Тр. Лавр. Б. № 700, л. 79 об.).

леніемъ все болѣе увеличивались. Наконецъ, новый самозванецъ въ концѣ іюня 1608 года утвердился въ Тушинѣ, въ 12 верстахъ отъ Москвы. Съ этого времени положеніе царя Василія въ Москвѣ стало самое жалкое: имъ, по выраженію современника, играли какъ ребенкомъ. Всякій, кто имѣлъ какое либо неудовольствіе на Шуйскаго, бѣжалъ въ Тушино, а такихъ было очень много. Были неоднократные бунты противъ Шуйскаго. „А въ Москвѣ народи, возмутившись, говоритъ Симонъ, собирахуся часто и прихождаху къ своему Государю царю и великому князю Василію Іоанновичу всея Руссіи съ великимъ шумомъ, вопіюще нелѣпыми глаголы на помазанника Божія, хотяху посохъ царскій отъ его царскихъ рукъ исхитить и съ царства свести". [1]) Въ это время для поддержанія царской власти Шуйскаго и выступила великая нравственная сила, носителемъ которой явился патріархъ Гермогенъ: онъ горой стоялъ за права Шуйскаго и тѣмъ еще долго поддерживалъ упадающую власть его. А подлѣ Гермогена въ это же время мы уже видимъ вѣрнаго помощника въ лицѣ Діонисія—твердаго въ дѣлахъ вѣры и правды. По сказанію Симона Азарьина, дѣятельность преподобнаго Діонисія на Москвѣ обнаруживалась тогда въ двухъ сферахъ: во первыхъ, онъ вмѣстѣ съ Гермогеномъ постоянно отправлялъ церковную службу, а во вторыхъ вмѣстѣ съ нимъ же бывалъ на совѣтахъ у царя и выходилъ для усмиренія бунтовавшагося народа. Усердіе Діонисія къ церковной службѣ было такъ велико, что самъ патріархъ—этотъ адамантъ—дивился его бодрости. Гермогенъ ставилъ его въ образецъ своей паствѣ: „врите, говорилъ онъ, на Старицкаго архимандрита, какъ онъ сподвизаяся, отъ соборныя церкви никогда не отлучается". [2]) Так-

[1]) Житіе пр. Діонисія стр. 17.

[2]) Житіе пр. Діонисія стр. 15.

же усердно подвизался Діонисій съ Гермогеномъ и въ дѣлѣ усмиренія бунтовавшихся: „онъ всегда былъ на царскихъ и „всемірныхъ“ соборахъ, во всемъ способствуя самодержцу и патріарху“. [1]) Если подъ царскими соборами должно разумѣть совѣщанія царя, для которыхъ онъ приглашалъ и патріарха съ Діонисіемъ, то подъ „всемірными“ нужно видѣть тѣ шумныя собранія народа, [2]) гдѣ противники царя требовали сверженія его, а патріархъ и Діонисій увѣщевали возмущавшуюся толпу быть послушными власти. Діонисій свои увѣщанія народа заимствовалъ отъ Священнаго Писанія и нерѣдко сопровождалъ ихъ слезами. Заступничество патріарха и Діонисія за царя иногда вызывало въ буйной толпѣ оскорбленія и побои, которыя сыпались на заступниковъ. Таковъ былъ особенно случай въ 1609 году 19 февраля. Тогда взбунтовавшаяся толпа, руководимая Григоріемъ Сумбуловымъ, княземъ Романомъ Гагаринымъ и Тимоѳеемъ Грязнымъ, стала требовать сверженія царя Василія. Эта толпа вышла на Красную площадь и потребовала патріарха; но когда тотъ не хотѣлъ идти, заговорщики потащили его насильно, подталкивая его сзади и всячески ругаясь надъ нимъ,—обсыпая его пескомъ, соромъ и смрадомъ. Не смотря на такія насилія, Гермогенъ крѣпко всталъ за царя. Ему кричитъ толпа: „князь Василій Шуйскій не любъ намъ на царствѣ; онъ тайно убиваетъ и сажаетъ нашу братію въ воду“, а онъ отвѣчаетъ вопросомъ: „а кого же казнилъ Шуйскій“, и толпа молчитъ. Ему кричатъ: „изъ за Василья кровь льется и земля не умирится, пока онъ будетъ на царствѣ; его одна Москва выбрала, а мы хотимъ избрать но-

[1]) Житіе прп. Діодисія стр. 16 и 17.

[2]) *Соловьевъ*. Исторія Россіи т. 8, стр. 439. Подъ всемірными соборами нельзя разумѣть земскіе соборы, потому что за тотъ періодъ времени ихъ не было.

ваго царя"; а онъ отвѣчаетъ: „до сихъ поръ Москва всѣмъ городамъ указывала, а ни Новгородъ, ни Псковъ, ни Астрахань и никакой другой городъ не указывалъ Москвѣ; а что кровь льется, то это дѣлается по волѣ Божіей, а не по хотѣнію вашего царя". [1]) Хотя толпа послѣ этого устремилась во дворецъ къ самому царю; но все это кончилось ничѣмъ: твердость Гермогена спасла тогда царю власть. Когда Гермогенъ такъ геройски защищалъ царя, то тутъ во все время находился подлѣ него и преподобный Діонисій. Онъ вмѣстѣ съ нимъ перенесъ и побои и поруганія и „ни мало въ таковыхъ бѣдахъ не отступи отъ патріарха", но умолялъ народъ отъ Божественныхъ книгъ оставить безчинства. Сказавъ объ этомъ, Симонъ прибавляетъ: „якоже мнози о семъ самовидцы свидѣтельствуютъ, дивящеся многому дерзновенію и разуму его, отъ инѣхъ же и писаніемъ извѣстихся". [2])

И такъ, еще будучи Старицкимъ архимандритомъ, преподобный Діонисій заявилъ себя со стороны охраненія Москвы и народа отъ волненій и бунтовъ, и тогда же, такимъ образомъ, всталъ впервые на постъ оберегателя отчизны отъ козней измѣнниковъ, на которомъ онъ такъ доблестно стоялъ, будучи Троицкимъ архимандритомъ. Важно бы для насъ опредѣлить, когда преподобный Діонисій явился изъ Старицы въ Москву, чтобы здѣсь стать, такъ сказать, правою рукою патріарха. Изъ сказаннаго раньше видно, что во время стоянки втораго самозванца въ Тушинѣ онъ былъ уже въ Москвѣ. Но какъ можно догадываться по смыслу сказанія Симона, онъ явился въ Москву раньше появленія Лжедимитрія II въ Тушинѣ, потому что прежде чѣмъ сказать о

[1]) Акты арх. эксп. т. 2.

[2]) Житіе преп. Діонисія стр. 18.

Тушинской стоянкѣ самозванца и о бѣдствіяхъ, бывшихъ отъ того въ Москвѣ, о бунтахъ противъ царя, Симонъ говоритъ уже о Діонисіи, о томъ, какъ онъ пріобрѣлъ великую любовь у Гермогена, какъ вмѣстѣ съ нимъ совершалъ службы, какъ Гермогенъ ставилъ Діонисія въ примѣръ духовенству и пр. Если это обстоятельство не даетъ намъ права рѣшительно утверждать, что Діонисій явился въ Москву раньше появленія самозванца въ Тушинѣ, то по крайней мѣрѣ оно дѣлаетъ возможнымъ предполагать это. Очень возможно, что какъ только стали разноситься болѣе тревожные слухи о самозванцѣ и какъ только открылась важность приближавшихся событій, патріархъ созналъ необходимость составить крѣпкую охрану царя и потому постарался собрать около себя единомышленныхъ лицъ, проникнутыхъ истинною преданностію царю и отечеству и вмѣстѣ горячихъ ревнителей по вѣрѣ, и тогда-то вотъ онъ могъ вспомнить о Старицкомъ архимандритѣ, который оставилъ по себѣ въ душѣ патріарха пріятное воспоминаніе еще въ пріѣздъ свой съ Іовомъ. Вспоминая объ немъ, Гермогенъ разсчиталъ, что Діонисій и былъ однимъ изъ тѣхъ лицъ, какія ему тогда были нужны, и онъ не ошибся. Въ виду этого можно предположить, что при первыхъ слухахъ о самозванцѣ, т. е. въ августѣ или сентябрѣ 1607 года патріархъ позвалъ къ себѣ Старицкаго архимандрита. Діонисій явился тогда въ Москву и уже не возвращался въ Старицу до своего назначенія на архимандрію къ Троицѣ. Могло, конечно, случиться, что Діонисій явился въ Москву тогда и по другимъ какимъ обстоятельствамъ, намъ вовсе не извѣстнымъ, но что послѣ этого своего пріѣзда въ Москву онъ уже не возвращался въ Старицу—это не подлежитъ сомнѣнію въ виду такихъ выраженій Симона: „Діонисій служилъ въ церкви, „ни мало не отлучаяся“, или „отъ соборныя церкви никогда

не отлучается", „на царскихъ и всемірныхъ соборахъ всегда обрѣтается", „всегда съ патріархомъ у царя Василія на таковыхъ соборахъ прилучашеся". [1]) Нельзя же предположить для объясненія этихъ выраженій, что Діонисій всякій разъ, какъ происходилъ какой нибудь соборъ, или обнаруживался бунтъ въ Москвѣ, пріѣзжалъ изъ Старицы и потомъ опять уѣзжалъ до перваго случая. Нѣтъ: ясно, что онъ постоянно жилъ въ Москвѣ и былъ постояннымъ участникомъ въ царскихъ и всемірныхъ соборахъ вмѣстѣ съ Гермогеномъ, который, конечно, и удержалъ его въ Москвѣ.

Слѣдовательно, въ званіи Старицкаго архимандрита Діонисій значительную, если не большую часть времени, провелъ въ Москвѣ неотлучно около патріарха. [2]) Наше предположеніе, что онъ явился въ Москву скоро послѣ того, какъ пронеслись слухи о появленіи въ Стародубѣ самозванца, т. е. въ сентябрѣ или октябрѣ 1607 года, будучи вполнѣ вѣроятнымъ, имѣетъ и то несомнѣнное достоинство, что даетъ возможность удачно примирить два разнорѣчивыя извѣстія относительно времени назначенія Діонисія Старицкимъ архимандритомъ: извѣстіе, находимое въ „Исторіи о первомъ патріархѣ Іовѣ" и извѣстіе Симона Азарьина. Симонъ Азарьинъ, когда говоритъ, что Діонисій въ санѣ архимандрита „пребысть въ Старицѣ мало больше двухъ лѣтъ", то опредѣляетъ здѣсь только то время, которое Діонисій прожилъ въ Старицкомъ монастырѣ въ санѣ архимандрита до его послѣдней поѣздки въ Москву, изъ которой уже

---

[1]) Житіе преп. Діонисія стр. 15, 16, 17.

[2]) Что Діонисій нѣкоторое время неотлучно жилъ въ москвѣ признаютъ Митр. Евгеній (Слов. пис. дух. чина ч. 1-я, стр. 145), Бантышъ-Каменскій (слов. достоп. людей ч. 2, стр. 218); свящ. Поспѣловъ также склоненъ признать это (Чт. общ. люб. дух. просв. 1865, ч. 2-я).

онъ не возвращался. Это время и опредѣляется именно въ два съ небольшимъ года, если мы признаемъ, что преподобный Діонисій назначенъ Старицкимъ архимандритомъ въ 1605 году около іюня, что даетъ право утверждать „Исторія о первомъ патріархѣ Іовѣ". Что именно такъ нужно понимать извѣстіе Симона, показываетъ и самое слово „пребысть тамо", т. е. пробылъ тамъ, прожилъ, а также и то, что непосредственно за этимъ идетъ разсказъ о дѣятельности Діонисія въ Москвѣ, которая, такимъ образомъ, по разсказу, имѣла мѣсто послѣ того, какъ онъ прожилъ въ Старицѣ два съ небольшимъ года. При иномъ же пониманіи этого извѣстія Симона Азарьина было бы необъясмимо извѣстіе, сохранившееся въ „описи Старицкаго монастыря", что патріархъ Іовъ сдѣлалъ пожертвованіе въ Старицкій монастырь въ 1603 году октября 20 при архимандритѣ Діонисіи: никакъ нельзя понять это мѣсто въ описи, если признать, что всего въ званіи Старицкаго архимандрита Діонисій былъ два съ небольшимъ года, потому что въ такомъ случаѣ въ 7115 году въ октябрѣ (1606 г.) онъ никакъ не могъ быть архимандритомъ.

Итакъ, нужно признать, что преподобный Діонисій былъ назначенъ Старицкимъ архимандритомъ въ 1605 году до іюня, и изъ пятилѣтняго періода своего архимандритства тамъ около половины прожилъ въ Москвѣ, посвящая свои силы на служеніе царю и отечеству. Что касается его дѣятельности собственно въ Старицкомъ монастырѣ, то, конечно, въ два года съ небольшимъ онъ не могъ сдѣлать для монастыря многаго; потому-то объ этой дѣятельности его извѣстно мало или, лучше, почти ничего. Изъ упоминаемой нами описи монастыря видно, что ко времени вступленія Діонисія въ должность настоятеля, Старицкій монастырь какъ въ церковномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ былъ очень

нескуднымъ. Управлялся онъ архимандритомъ, а братіи въ монастырѣ священниковъ и дьяконовъ было 73, да служекъ монастырскихъ, т. е. послушниковъ 32 человѣка, „да служебниковъ монастырскихъ, поворковъ и конюховъ и церковныхъ сторожей“, т. е. разной прислуги въ монастырѣ было 43 человѣка. [1]) Храмовъ въ монастырѣ было три. Денегъ въ монастырской казнѣ было 200 рублей, да 79 кабалъ на 106 рублей и 116 кабалъ на 660 четвертей хлѣба. Потомъ, монастырь владѣлъ нѣсколькими селами и деревнями въ Старицкомъ, Тверскомъ и Кашинскомъ уѣздахъ; по описи селъ насчитывается около 20 со многими деревнями. Наконецъ, монастырь обладалъ очень цѣнной ризницей, дорогими иконами и разными вкладами высокихъ особъ, изъ которыхъ стоитъ упомянуть Ивана Васильевича Грознаго, который далъ по сынѣ своемъ Иванѣ Ивановичѣ два серебряные стакана. [2]) При архимандритѣ же Діонисіи монастырь обогатился новыми вкладами, изъ которыхъ болѣе замѣчательны вклады патріарха Іова, которые онъ сдѣлалъ 20 и 22 чиселъ октября 1606 года. Эти вклады состоятъ преимущественно изъ иконъ, то обложенныхъ серебромъ, то позолоченыхъ, то украшенныхъ драгоцѣнными камнями: драгоцѣнные камни положены на иконахъ Вседержителя (9 камней разныхъ), Пречистыя Богородицы Одигитріи (четыре жемчужины да *цата* сканная), Николая Чудотворца (три жемчужины да три камышка). [3]) Послѣ смерти же Іова въ монастырь поступило все его имущество, за исключеніемъ тѣхъ вещей, которыя отданы за погребеніе его, [4]) или же

[1]) Истор. Библ. Твер. епар. т. 1, стр. 65.

[2]) Истор. Библ. Твер. епар. т. 1, стр. 6—7.

[3]) Истор. Библ. Твер. епар. т. 1, стр. 25—30, гдѣ перечислены всѣ пожертвованія патріарха Іова.

[4]) Напр. шуба кунья подъ камкою двояличной, двушелков. отдана за

родственникамъ. Кромѣ вкладовъ Іова и вещей, поступившихъ въ монастырь послѣ его смерти, при архимандритѣ Діонисіи поступили въ монастырь книги послѣ старца Аѳанасія: нѣсколько Евангелій, одно изъ нихъ толковое, двѣ тріоди, два октоиха, двѣ общія Минеи: печатная и письменная, псалтырь и др. [1]) Наконецъ, извѣстно, что и самъ преподобный Діонисій сдѣлалъ много вкладовъ въ Старицкій монастырь; но въ несравненно большей своей части эти вклады сдѣланы преподобнымъ тогда, когда онъ былъ уже архимандритомъ Троицкимъ. Болѣе цѣнные вклады его слѣдующіе: образъ Успенія Пресвятыя Богородицы, образъ Живоначальныя Троицы, серебряные сосуды (потиръ, дискосъ, два блюдца и звѣзда) вѣсомъ 3 фунта 14½ золотниковъ, серебряное кадило вѣсомъ 2½ фунта, Евангеліе, крестъ благословляющій, обложенный чеканнымъ серебромъ и позолоченный, книга Прологъ съ марта по сентябрь. [2]) Эти дорогіе вклады Діонисія всѣ, кромѣ развѣ только сосудовъ, даны имъ тогда, когда онъ былъ уже Троицкимъ архимандритомъ, но они, показывая его заботливость въ позднѣйшее время о томъ монастырѣ, въ которомъ онъ постригся и былъ не долгое время настоятелемъ, убѣждаютъ насъ въ

погребеніе Тверскому архіепископу Ѳеоктисту (Истор. Библ. Твер. епар. стр. 78). Деньги же, которыя остались послѣ патріарха—всего 15 руб., всѣ изошли на погребеніе.

[1]) Истор. Библ. Твер. епар. т. 1, стр. 39—40.

[2]) Подробное описаніе этихъ вкладовъ см. въ Истор. Библ. Твер. епар. т. 1, стр. 89, 92, 133, 136, 138. Имѣются вклады прел. Діонисія и въ нѣкоторыхъ другихъ монастыряхъ Тверской епархіи, кромѣ Старицкаго. Такъ, напр., въ Нилову пустынь были пожертвованы митр. Варлаамомъ и архим. Діонисіемъ три мѣстныя иконы и 17 денсусовыхъ иконъ; затѣмъ пожертвованы были Діонисіемъ боевые часы, находившіеся въ свое время на оградѣ (Нилова пустынь въ первыя полутораста лѣтъ ея существованія А. В. *Рачинскаго* стр. 3).

томъ, что за время управленія этимъ монастыремъ онъ тѣмъ болѣе былъ внимателенъ къ нему. Къ сказанному объ отношеніи Діонисія къ Старицкому монастырю слѣдуетъ прибавить, что за время архимандритства его въ этомъ монастырѣ жилъ въ ссылкѣ патр. Іовъ, который и умеръ при Діонисіи, о чемъ мы уже говорили, а надъ могилой Іова Діонисій поставилъ каменную гробницу. [1])

Но, конечно, не эта малоизвѣстная дѣятельность Діонисія по управленію Старицкимъ монастыремъ, а его вышеизложенная нами дѣятельность на Москвѣ стяжала ему любовь и уваженіе царя и патріарха: ихъ расположили въ пользу Діонисія его благочестивая жизнь, честность и твердость, которыя онъ имѣлъ случай показать, живя въ Москвѣ—особенно въ такое смутное время. Потому-то, когда вскорѣ послѣ 16-мѣсячной осады Троицкаго монастыря архимандритъ его Іоасафъ, утомленный бѣдами, удалился въ Пафнутіевъ монастырь, и мѣсто Троицкаго архимандрита оставалось вакантнымъ, тогда царь съ патріархомъ прямо остановились на Діонисіи, какъ на лицѣ вполнѣ достойномъ и способномъ занять это мѣсто. Симонъ Азарьинъ разсказываетъ объ этомъ новомъ назначеніи Діонисія съ любопытными подробностями. Однажды преподобный Діонисій, вѣроятно, по повелѣнію патріарха, ѣздилъ изъ Москвы въ

---

[1]) Среди чудесъ патр. Іова, помѣщенныхъ въ рукописи Саввино-Сторожевскаго монастыря № 84, вслѣдъ за разсказомъ о погребеніи Іова, записано, между прочимъ, чудо явленія Іова Діонисію по поводу устроенія посдѣднимъ гробницы. Іовъ явился Діонисію съ такою рѣчью: «поставили вы надъ гробомъ моимъ палатку не по моему приказу: мнѣ де палатка строить не тѣмъ переводомъ». Упомянемъ еще кстати о чудѣ исцѣленія Іовомъ одного Старицкаго жителя Ивана Иванова Тулупова,—вѣроятно какого-ниб. недальняго родственника инока Германа Тулупова.

Ярославль хоронить какого-то вельможу. Проѣздъ тогда былъ очень спасенъ, такъ какъ повсюду бродили шайки воровскихъ людей. Но интересно, что долговременная и неудачная осада Троицкаго монастыря, избавленіе отъ которой тогда повсюду приписывали преподобному Сергію, произвела такое впечатлѣніе на эти разбойническія шайки, что они пропускали не трогая только того проѣзжаго, который объявлялъ себя жителемъ Сергіевой обители. Зная это, преподобный Діонисій, возвращаясь изъ Ярославля, рѣшился называться Сергіевымъ: „аще, говорилъ онъ сопровождавшимъ его старцамъ и слугамъ, поѣдемъ такъ дорогою просто, то ограбятъ насъ воровскіе люди, или побьютъ до смерти, аще ли будемъ нарицатися именемъ чудотворца Сергія, всяко спасени будемъ“ [1]). И дѣйствительно, называясь такъ, Діонисій и слуги его проѣхали благополучно очень многія опасныя мѣста и нигдѣ не подвергались какимъ-либо насиліямъ. Когда же они подъѣзжали къ Троицкому монастырю, ихъ встрѣтилъ одинъ слуга этого монастыря и спросилъ: „кая власть ѣдетъ?“ Слуги Діонисія отвѣчали, какъ и всѣмъ: „Троицкаго Сергіева монастыря старецъ изъ селъ ѣдетъ“. Слуга же этотъ, зная всѣхъ старцевъ своего монастыря, не повѣрилъ, и потому опять спросилъ, но получилъ тотъ же отвѣтъ. Наконецъ, онъ сказалъ: „рцыте ми истину, аще той есть Старицкаго монастыря архимандритъ, его же ради посланъ есмь отъ самодержца и отъ первосвятителя съ грамотами“. Когда же ему сказали, что ѣдетъ именно Старицкій архимандритъ, то онъ вручаетъ ему грамоты. Діонисій же, прочитавши ихъ и узнавъ, что это грамоты объ его назначеніи въ Троицкіе архимандриты, удивился судьбамъ Божіимъ, „яко ни на мысль его семъ не взыде, еже устро-

[1]) Житіе преп. Діонисія стр. 19—20.

ва и еже самодержцу изволися“ [1]). Получивши на дорогѣ грамоты, онъ поспѣшилъ въ Москву и здѣсь приноситъ благодарность царю и патріарху; послѣ чего отправляется на мѣсто своего назначенія—въ Троицкій Сергіевъ монастырь.

Время назначенія преподобнаго Діонисія на архимандрію въ Троицкій монастырь опредѣляется слѣдующимъ сообщеніемъ. Въ одной изъ рукописей Московской Духовной Академіи (№ 201) на первыхъ листахъ ея находимъ перечень всѣхъ настоятелей Сергіева монастыря, начиная съ основателя—преподобнаго Сергія; и здѣсь-то читаемъ: „7118 году Діонисей взятъ отъ Пречистыя Богородицы изъ монастыря изъ Старицы—23 года и 3 мѣсяца“ [2]), т. е. былъ Троицкимъ архимандритомъ. Слѣдовательно, преподобный Діонисій назначенъ Троицкимъ архимандритомъ 10 февраля 1610 года, такъ какъ онъ умеръ 10 мая 1633 года. Но неизвѣстно, на какихъ основаніяхъ авторъ „Словаря историческаго о бывшихъ писателяхъ духовнаго чина“ говоритъ, что Діонисій назначенъ на архимандрію въ Троицкій монастырь 29 іюня [3]), а Н. И. Костомаровъ относитъ это назначеніе даже къ іюлю. [4]) Оба эти показанія не вѣрны. Кромѣ указанной выше выписи изъ Академической рукописи, противъ показаній митрополита Евгенія и г. Костомарова говоритъ то обстоятельство, что имѣется „память“ отъ 1610 года апрѣля 8 на имя головы Мисюря Ивановича Соловцова, ко-

---

[1]) Житіе преп. Діонисія стр. 20—21.

[2]) Рукоп. Моск. Дух. Акад. № 201 л. 7. Впрочемъ, такихъ рукописей, гдѣ находится списокъ игуменовъ Троицкаго монастыря много; напр. см. Рук. Рум. Музея № 365, л. 83. Рук. Каз. Ак. (бывш. Солов.) № 585 (225)

[3]) Истор слов. о писат. дух. чина ч. 1. стр. 145.

[4]) Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ дѣятелей вып. 1, стр. 706.

торому повелѣвается сопровождать казну Троицкого архимандрита Діонисія отъ монастыря до Москвы. [1]) Слѣдовательно, несомнѣнно, Діонисій былъ въ то время Троицкимъ архимандритомъ, такъ что еслибы даже допустить неточность сообщенія рукописи № 201 (для чего, впрочемъ, нѣтъ никакого основанія), то и тогда назначеніе Діонисія на архимандрію въ Троицкій монастырь должно отнести не къ іюню и іюлю, а къ болѣе раннему времени, и именно никакъ не позже, какъ къ началу апрѣля [2]).

Итакъ, въ началѣ 1610 года преподобный Діонисій былъ сдѣланъ Троицкимъ архимандритомъ, и въ этомъ-то званіи онъ прославился своею дѣятельностію на пользу отечества, церкви и своего монастыря. Первые годы своего пребыванія у Троицы онъ посвятилъ преимущественно служенію государству, возбуждая русскій народъ на защиту своего отечества. Тогда было смутное время Московскаго государства, а несомнѣнно, что время это представляетъ собою од-

---

[1]) Акты относ. до юрид. быта т. 2, стр. 677.

[2]) Въ Сборникѣ кн. Хилкова есть отписка, помѣченная 1609 годомъ и носящая такое надписаніе: «отписка Троицкаго Сергіева монастыря архимандрита Діонисія, келаря Авраамія и соборныхъ старцевъ воеводѣ князю Дмитрію Трубецкому съ просьбою приказать Андрею Палицыну и воеводѣ Науму Плещееву быть у нихъ въ монастырѣ и о позволеніи взять на обмѣнъ изъ Московскаго Богоявленскаго монастыря «маленькаго» Осипа Панина» (сбор. Хилкова стр. 122). Помѣтку этой отписки 1609 годомъ мы не иначе можемъ объяснить, какъ ошибкой, потому что ни Діонисій въ это время не былъ Троицкимъ архимандритомъ, ни князь Димитрій Трубецкой не былъ «великіе Россіи державы Московскаго государства бояриномъ и воеводой государемъ княземъ», какъ это значится въ отпискѣ. Отписку эту нужно отнести къ тому времени, когда уже не было Ляпунова въ живыхъ, потому что въ ней Троицкія власти пишутъ на имя одного Трубецкаго (у Кедрова въ изслѣд. «Авраамій Палицынъ» стр. 90, прим.).

ну изъ самыхъ печальныхъ страницъ нашей исторіи. Какъ церкви, такъ и государству русскому тогда грозила опасность потерять свою самостоятельность; а народныя бѣдствія и невзгоды достигли тогда крайней степени. Не вдаваясь здѣсь въ изложеніе всѣхъ событій этой несчастной эпохи, мы вспомнимъ только, что дѣло дошло тогда до того, что въ Московскомъ государствѣ распоряжались и были главными правителями не русскіе, а поляки: въ самой думѣ боярской засѣдалъ полякъ Гонсѣвскій. Сдѣлавшись же обладателями Москвы, они уже не стѣснялись въ своихъ дѣйствіяхъ. Русскіе ни на минуту не были обезпепены за цѣлость своего имущества, своей чести и своей жизни; имъ запрещено было даже оборонять себя отъ насилій и притѣсненій поляковъ: запрещено было ходить съ саблями, ножами, топорами, которые отбирались и у плотниковъ. Обезоруженныхъ русскихъ поляки били и притѣсняли, какъ хотѣли, почему русскимъ не было проходу ни утромъ, ни вечеромъ. Хотѣлъ-бы православный помолиться у заутрени, но поляки не давали проходу къ храму Божію не только мірянамъ, но и самимъ священникамъ. Безпорядки государственные необходимо отзывались и на церкви. Не даромъ патр. Гермогенъ горько жаловался тогда, обращая свои слова къ измѣннику Салтыкову: „вижу прав. вѣрѣ поруганіе, вижу раззореніе святыхъ церквей, слышу въ Кремлѣ пѣніе латинское и не могу терпѣть“. Нашей вѣрѣ православной и церкви, по справедливому сознанію всѣхъ лучшихъ людей того времени, грозила страшная опасность отъ поляковъ. Вотъ самая краткая характеристика смутнаго времени.—Но бѣдствія этого времени явились и пробнымъ камнемъ русскаго народа, обнаруживши въ немъ внутреннюю силу и живучесть. Понятно отсюда, какъ велико должно быть значеніе тѣхъ людей, которые возбуждали эту силу народа къ

дѣйствію и которые нравственнымъ вліяніемъ на народъ заставляли его соединяться и идти на спасеніе своего государства и своей вѣры. На голосъ и призывъ такихъ людей откликалась лучшая часть народонаселенія. „Когда ударили бури смутнаго времени, говоритъ С. М. Соловьевъ, то потрясли и свѣяли много слоевъ, находившихся на поверхности, но когда коснулись основаній общественныхъ, то встрѣтили и людей основныхъ, о силу которыхъ напоръ ихъ долженъ былъ сокрушиться". Какъ на представителей такихъ основныхъ людей въ смутное время, мы можемъ указать на Скопина—Шуйскаго, патр. Гермогена, кн. Дмитрія Пожарскаго, земск. старосту Кузьму Минина и др. На ряду со всѣми этими личностями, съ пользою и самоотверженіемъ послужившими отечеству въ горькую годину его, мы должны поставить и Троицкаго архимандрита Діонисія. Въ своей дѣятельности на пользу государства Діонисій былъ продолжателемъ такой же дѣятельности патр. Гермогена. Извѣстны намъ изъ той эпохи три народныя движенія, имѣвшія задачею очищеніе Московскаго государства. Первое, самостоятельно зародившись въ восточномъ уголку нынѣшней Владимірской губерніи и юго-западномъ Нижегородской, соединилось потомъ съ ополченіемъ Скопина—Шуйскаго, который вмѣстѣ съ наемнымъ шведскимъ войскомъ усиленно—было началъ дѣло очищенія Московскаго государства. Но это движеніе со смертію Скопина, оживлявшаго его, стушевалось и потеряло силу. Въ немъ нравственное вліяніе и искусство вождя принадлежали одному Скопину, и потому-то онъ оставилъ по себѣ такую свѣтлую память. Нравственное вліяніе во второмъ ополченіи, поднимавшемся на избавленіе Москвы и отечества отъ поляковъ, принадлежало патр. Гермогену—человѣку несокрушимой силы характера, твердому адаманту и столпу. Авторитетный голосъ патріарха

повсюду находилъ себѣ откликъ. Призывъ его на защиту вѣры и святынь Москвы, какъ нельзя болѣе, пробуждалъ патріотическія чувства народа, для котораго гибель этихъ святынь равнялась гибели всего отечества. Второе народное движеніе охватило чуть-ли не всю Россію: изъ конца въ конецъ ея перелетами грамоты Гермогена и Ляпунова— дополняясь по мѣстамъ новыми извѣстіями. Но и это ополченіе не достигло своей цѣли: оно окончилось печально. Казалось, послѣ печальнаго результата такой грандіозной попытки спасти отечество,—не на что уже было надѣяться: Россіи грозила гибель. Однако, нѣтъ: поднимается новое ополченіе чисто земскаго характера, и, слѣд., болѣе самоотверженное, способное пожертвовать личными интересами общественнымъ. Въ возбужденіи этого новаго движенія принялъ участіе и Троицкій монастырь во главѣ съ своимъ архимандритомъ Діонисіемъ. Три силы созидали движеніе: религія, сила торговая и сила военная. Если представителемъ силы военной былъ кн. Пожарскій, силы торговой— Кузьма Мининъ, то представителемъ религіознаго чувства былъ архимандритъ Діонисій. Итакъ, преподобный Діонисій выступаетъ предъ нами среди дѣятелей смутнаго времени. Дѣятельность его въ этомъ случаѣ проявилась, главнымъ образомъ, въ разсылкѣ патріотическихъ грамотъ по разнымъ городамъ съ приглашеніемъ русскихъ людей на защиту отечества. Извѣстны три случая разсылки такихъ грамотъ. Первыя его патріотическія грамоты были разосланы вскорѣ послѣ сожженія Москвы поляками (19 марта 1611 года). Этими грамотами преп. Діонисій приглашалъ ополченіе Ляпунова, уже шедшее къ Москвѣ, идти какъ можно скорѣе. Но когда во ополченіи, собравшемся въ Москву для выручки ея, между главными вождями Трубецкимъ, Заруцкимъ и Ляпуновымъ начались неудовольствія, когда казаки, пришед-

шіе въ Москву съ Заруцкимъ, стали своевольничать и безобразничать,—и общему дѣлу грозила опасность, тогда препод. Діонисій нашелъ нужнымъ снова разослать патріотическія воззванія по городамъ, чтобы призвать свѣжія силы на помощь русскому ополченію, стоявшему подъ Москвой. По совѣту съ прилучившимися въ монастырѣ боярами и воеводами, онъ дѣйствительно 13 іюля 1611 года разсылаетъ грамоты въ Казань, во всѣ Понизовые города, въ Великій Новгородъ, Поморье, на Вологду и въ Пермь. Но какъ-бы ни усиливалось ополченіе вновь приходящими отрядами, такъ какъ въ немъ были враждебные элементы и происходили постоянные раздоры, такъ какъ самые главные вожди были не въ ладахъ между собою, то въ концѣ концовъ оно естественно должно было разстроиться. Это скоро и случилось. Самъ Ляпуновъ,—лучшій вождь ополченія, по проискамъ Заруцкаго, былъ убитъ. Смерть этого лучшаго человѣка въ ополченіи была очень пагубна для Россіи. Онъ, по выраженію Карамзина, палъ на гробъ своего отечества. Тогда-то еще разъ выступаетъ въ роли возбудителя народныхъ силъ и патріотическихъ чувствъ преп. Діонисій. Собравши въ монастырѣ соборъ, на который позвалъ бояръ, дворянъ и дьяковъ, прилучившихся тогда въ монастырѣ, и посовѣтовавшись съ ними, преп. Діонисій въ третій разъ написалъ грамоты, которыя и разослалъ по всѣмъ городамъ Россіи. Онѣ были разосланы 6 октября 1611 года. Эти послѣднія грамоты важны по тому вліянію, какое онѣ произвели на нижегородцевъ. Нижегородцы были уже сильно возбуждены раньше противъ враговъ вѣры и отечества; но такъ какъ вслѣдствіе частыхъ войнъ силы ихъ были истощены, то для того, чтобы они выступили въ новый походъ—и притомъ походъ, имѣвшій цѣлію такую обширную задачу, какъ очищеніе Московскаго государства,—для этого требовался силь-

ный подъемъ ихъ духа. Мы знаемъ, какія жертвы потребовались для того, чтобы походъ этотъ состоялся,—требовалось: „ не пожалѣти животовъ своихъ, да не токмо животовъ своихъ и дворы продавати, и жены и дѣтей закладовать". Въ образованіи такого самоотверженнаго настроенія нижегородцевъ дѣйствовало нѣсколько силъ,—и ко времени полученія Троицкой грамоты нижегородцы были уже довольно подготовлены къ нему: грамота Діонисія была въ этомъ случаѣ послѣднимъ толчкомъ для нижегородцевъ, она, такъ сказать, прибавила къ прежней настроенности ихъ тѣ нѣсколько градусовъ, которые были необходимы для того, чтобы она перешла на степень самоотверженности. Въ разсылкѣ этихъ патріотическихъ грамотъ заключается главная государственная заслуга преп. Діонисія: въ грамотахъ своихъ онъ съ одной стороны сообщалъ о тѣхъ или другихъ событіяхъ, происходившихъ подъ Москвой, а съ другой рисуя скорбную картину народныхъ бѣдствій, усердно и именемъ Бога призывалъ всѣхъ русскихъ спѣшить на защиту отечества. Всякое сильное слово, которое могло-бы расшевелить душу русскаго человѣка, могло-бы воодушевить его на геройскіе подвиги,—много значило въ то бѣдственное для нашего отечества время. И Діонисіевы грамоты далеко не были безплодны, какъ это нѣкоторые думаютъ. Стоитъ только прочитать всѣ эти грамоты, чтобы убѣдиться, что изображеніе бѣдствій во всѣхъ ихъ одинаково было разсчитано на то, чтобы затронуть самое завѣтное и родное въ душѣ русскаго человѣка.

Разсылая патр. грамоты, препод. Діонисій въ тоже время подвизался на поприщѣ широкой благотворительной дѣятельности, въ которой тогда особенно была нужда. Послѣ разоренія и сожженія Москвы множество московскихъ жителей осталось безъ крова и всякикъ средствъ къ жизни. Удрученные нуждою, раненые, искалеченные и больные, они

толпами оставляли Москву и бродили въ ея окружностяхъ, отыскивая убѣжища. Такимъ убѣжищемъ для нихъ и сдѣлался главнымъ образомъ Троицкій монастырь. Здѣсь, благодаря преподобному Діонисію и его сотрудникамъ въ этомъ дѣлѣ, несчастные находили успокоеніе. По свидѣтельству Симона, въ монастырѣ „нагимъ одежда бысть, страннымъ упокоеніе, нищимъ и гладнымъ прокормленіе, отъ мраза изгибающимъ теплое утѣшеніе, страннымъ и раненымъ и конечно издыхающимъ отпускъ отъ сего свѣта съ напутіемъ вѣчнаго живота, мертвымъ же погребеніе.“ [1]) „Сія вся сотворяшеся, прибавляетъ Симонъ, добрымъ строителемъ въ чудотворцовѣ обители (разумѣется, конечно, Діонисій)“. Поэтому-то отъ современниковъ своихъ Діонисій удостоился сравненія съ Товіемъ и Іосифомъ: „якоже во время подобное Господь Египту въ прокормленіе Іосифа, и Товія праведнаго въ Вавилонѣ Израилю; тако нынѣ въ раззореніе наше сего мужа святаго и дивнаго архимандрита Діонисія воздвиже житомѣрителя по Господню словеси, во время подобно раздавающа пищу рабомъ, комуждо по достоянію его“.

Дружными усиліями „основныхъ“ русскихъ людей Москва, наконецъ, была очищена отъ польскихъ и литовскихъ людей, и изъ нея полетѣли грамоты съ этою радостною вѣстію. Москва начала мало по малу возстановляться. По выраженію грамотъ, церкви Божіи въ прежнюю лѣпоту облеклись и Божіе имя славится въ нихъ по прежнему. Но такъ какъ безъ Государя „Московскому государству стоять нельзя, печься объ немъ и людьми Божіими промышлять некому“, то грамоты и предписывали городамъ выбрать отъ всѣхъ сословій и прислать въ Москву „лучшихъ, крѣпкихъ и ра-

---

[1]) Симонъ Азарьинъ въ предисловіи къ сказанію о новоявленныхъ чудесахъ препод. Сергія (Временникъ, кн. X, стр. 13).

зумныхъ людей, поскольку человѣкъ пригоже, для земскаго совѣта и государскаго избранія". Выборные люди явились въ Москву и послѣ нѣсколькихъ смутъ и волненій на Московскій престолъ былъ избранъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ. Послѣ такого страшнаго погрома, какой Московское государство пережило въ смутное время, новому государю и правительству предстояло много заботъ. Состояніе церкви, какъ и государства также требовало заботъ новаго царя. Одною изъ сторонъ церковной жизни, на которую молодой царь скоро обратилъ вниманіе, является печатаніе богослужебныхъ книгъ. Типографія сгорѣла во время страшнаго пожара, произведеннаго поляками, и потому теперь, задумавъ печатаніе, занялись ея возстановленіемъ. Но прежде чѣмъ печатать книги, необходимо было исправить ихъ, такъ какъ въ книгахъ, печатанныхъ до смутнаго времени, замѣчалась страшная рознь и несогласіе. Кому поручить это исправленіе: образованныхъ и свѣдущихъ людей среди тогдашняго духовенства было очень немного. Суждено было поручить его прославившемуся въ смутное время Троицкому архимандриту. Съ усердіемъ и энергіею принялся преподобный за этотъ не легкій трудъ. Ревностными помощниками ему въ этомъ дѣлѣ были подмонастырскій священникъ Иванъ Насѣдка, Троицкій инокъ Арсеній Глухой, моп. Антоній Крыловъ, іеродіаконъ Закхей и нѣкоторыя другія лица. Всѣ эти исправители на столько прилежно занимались разсматриваніемъ и исправленіемъ книгъ, что не рѣдко просиживали за ними цѣлыя ночи. Такъ они трудились въ продолженіи полуторыхъ годовъ и окончили свой трудъ въ маѣ мѣсяцѣ 1618 года. Много погрѣшностей нашли исправители въ разныхъ богослужебныхъ книгахъ, которыя, по возможности, всѣ и исправили. Болѣе важныя погрѣшности они усмотрѣли въ книгѣ Потребникъ. Здѣсь въ молитвѣ водо-

освященія, совершаемаго въ навечеріе Богоявленія, они нашли лишнее слово „и огнемъ“, т. е. было напечатано: „самъ и нынѣ, Владыко, освяти воду сію Духомъ твоимъ святымъ и огнемъ“. Признавши слово *и огнемъ* лишнимъ и неумѣстнымъ въ этой молитвѣ, исправители вычеркнули его. Затѣмъ, они измѣнили конечныя славословія въ очень многихъ молитвахъ. Дѣло въ томъ, что въ прежнихъ книгахъ многія молитвы, обращенныя къ одному какому-либо лицу св. Троицы, имѣли славословія полныя, т. е. „Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и св. Духу“, чѣмъ сливались лица св. Троицы. Поэтому исправители конечныя славословія въ молитвахъ, обращенныхъ къ одному Отцу, исправили такъ: „Тебѣ славу возсылаемъ со единороднымъ Ти Сыномъ и святымъ Духомъ“, а въ молитвахъ, обращенныхъ къ одному Сыну, такъ: „Тебѣ славу возсылаемъ со безначальнымъ Ти Отцемъ и со святымъ Духомъ“. Окончивши свой трудъ по исправленію книгъ, Діонисій представилъ исправленныя книги на благоусмотрѣніе тогдашняго мѣстоблюстителя патріаршаго престола Іоны, митр. Сарскаго и Подонскаго. Для разсужденія объ исправленныхъ Діонисіемъ и его сотрудниками книгъ въ іюлѣ былъ созванъ соборъ. Но вмѣсто безпристрастныхъ и просвѣщенныхъ цѣнителей дѣла на соборъ явились люди, съ одной стороны весьма враждебно настроенные къ Діонисію, а съ другой—невѣжественные,—и потому, естественно, они не только не могли пропустить исправленныхъ Діонисіемъ книгъ, но постарались уличить самаго Діонисія въ ереси. Нѣкоторые изъ этихъ лицъ явились на соборъ съ заранѣе приготовленными рѣчами, въ которыхъ дѣло Діонисія выставлялось ересью. То были, большею частію, иноки Троицкаго монастыря, какъ-то: уставщикъ Филаретъ, головщикъ Логинъ, ризничій діаконъ Маркеллъ и др. Благодаря усиліямъ подобныхъ обвинителей, дѣло Діо-

нисія было на соборѣ признано еретическимъ, и Діонисій за это присужденъ къ заключенію въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь съ запрещеніемъ священнодѣйствія. Но такъ какъ туда нельзя было проѣхать по причинѣ занятія дороги непріятелемъ, то Діонисія заключили въ Новоспасскомъ Московскомъ монастырѣ. Здѣсь преподобный выстрадалъ очень многое. Онъ долженъ былъ каждодневно класть по 1000 поклоновъ, затѣмъ въ теченіи 40 дней его ставили на палатяхъ въ дыму; преподобный все это терпѣливо переносилъ,—и мало этого, сверхъ наложенной эпитиміи онъ нерѣдко еще клалъ 1000 поклоновъ въ день. Между тѣмъ враги Діонисія распространили въ народѣ слухъ, что появились такіе еретики, которые хотятъ огонь изъ міра вывести. Поэтому, когда преподобнаго Діонисія вывозили для осмѣянія на площадь на клячѣ, то здѣсь народъ—особенно кузнецы встрѣчали его грубыми насмѣшками, ругательствами и даже побоями. Нерѣдко, наконецъ, преподобный принужденъ былъ простаивать подъ окнами келлій митрополита въ продолженіи цѣлыхъ знойныхъ іюльскихъ дней. Всѣ такія и подобныя страданія Діонисій переносилъ терпѣливо въ продолженіи 9 мѣсяцевъ. Но въ 1619 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Москву пріѣхалъ іерусалимскій патріархъ Θеофанъ, обратившій, между прочимъ, вниманіе и на дѣло Діонисія. Съ этого времени судьба Діонисія измѣняется къ лучшему. А когда вскорѣ послѣ этого возвратился изъ плѣна митрополитъ Филаретъ Никитичъ и былъ возведенъ въ патріархи, то онъ чрезъ недѣлю послѣ восшествія на патріаршій престолъ собралъ соборъ для разсмотрѣнія дѣла Діонисія,—и на этомъ соборѣ, на кототомъ присутствовали и царь и патр. Θеофанъ, Діонисій и его дѣло были признаны правыми. Поправки, сдѣланныя Діонисіемъ въ книгахъ, на этомъ соборѣ, большею частію, были одобрены.

Послѣ этого Діонисій былъ возвращенъ въ Троицкій монастырь на мѣсто прежняго своего служенія,—и здѣсь удостоился посѣщенія патр. Ѳеофана. Ѳеофанъ въ знакъ особенной своей расположенности къ Діонисію торжественно возложилъ на него свой бѣлый клобукъ.

Въ первые годы своего архимандритства въ Троицкомъ монастырѣ преп. Діонисій, какъ видѣли, былъ весьма занятъ дѣлами политическими и общественными, однако и тогда онъ находилъ время заботиться объ устройствѣ и благосостояніи своего монастыря. Время управленія Діонисіемъ представляетъ собою очень свѣтлый періодъ въ исторіи Троицкаго монастыря. Не смотря на то, что монастырь въ смутное время потерпѣлъ сильныя поврежденія и убытки, Діонисій во время своего управленія имъ успѣлъ окончательно возстановить въ немъ хозяйство, благолѣпіе и порядокъ. Онъ озаботился о возстановленіи прежнихъ правъ монастыря и о пріобрѣтеніи новыхъ, его стараніемъ монастырь обогатился новыми вотчинами, церкви монастырскія были украшены, причемъ на это украшеніе преподобный нерѣдко тратилъ и свои деньги. Наконецъ, онъ старался ввести строгій порядокъ въ отправленіи богослуженія и внимательно слѣдилъ за жизнію монашествующей братіи. Но и въ этой дѣятельности, подобно какъ при исправленіи книгъ, Діонисій столкнулся съ своими недоброжелателями и врагами. Заботы Діонисія о вотчинномъ хозяйствѣ монастыря вооружили противъ Діонисія какого-то „эконома“ монастыря [1]). Этотъ „экономъ“, враждуя противъ Діонисія особен-

[1]) Такъ какъ въ то время должности *эконома* въ монастырѣ не было, а обязанности этого лица исполняли келари и казначеи, то несомнѣнно, что Симонъ Азарьинъ именемъ эконома назвалъ кого-нибудь изъ этихъ лицъ;—и мы думаемъ, что таковымъ былъ келарь Александръ Булатниковъ, бывшій келаремъ 1622—1641 года.

но за то, что тотъ не дозволялъ ему наживаться на счетъ монастыря, сталъ клеветать на своего настоятеля предъ царемъ и патріархомъ, донося имъ, что Діонисій не слушаетъ и не исполняетъ царскихъ и святительскихъ повелѣній—и даже замышляетъ сдѣлаться патріархомъ. Въ тоже время онъ не пропускалъ ни малѣйшаго случая, чтобы тѣмъ или инымъ способомъ оскорбить Діонисія,—и дѣйствительно разъ, по словамъ Симона, „лукавою своею хитростію до толикаго безчестія доведе сего мужа праведнаго, яко и въ скаредное мѣсто и темно ввержень бысть, и ту три дни въ смрадѣ пребысть никому не вѣдомъ“, а другой разъ экономъ этотъ заперъ Діонисія на четыре дня въ его кельѣ. [1]) Немного менѣе непріятны и тяжелы были для Діонисія столкновенія при устроеніи имъ богослужебнаго чина. Въ этомъ случаѣ онъ столкнулся съ головщиками и уставщиками, изъ которыхъ двое—Логинъ и Филаретъ—особенно ненавидѣли преподобнаго. Головщикъ Логинъ и уставщикъ Филаретъ были люди крайне невѣжественные и гордые своими чисто внѣшними качествами: первый гордился своимъ голосомъ и умѣньемъ пѣть одинъ и тотъ же стихъ на 17 распѣвовъ, а послѣдній—своею долговременною жизнію въ монастырѣ и знаніемъ устава. Діонисій иногда указывалъ Логину на неумѣстность крайне-искуственнаго пѣнія его, замѣчая при этомъ, что Логинъ, хотя и мастеръ пѣть, но не понимаетъ того, что поетъ. Филарету Діонисій замѣчалъ, что онъ дошелъ до такого самомнѣнія, что впалъ даже въ ересь, потому что сталъ проповѣдывать, что будто Божество человѣкообразно и имѣетъ человѣческіе уды. Подобныя справедливыя замѣчанія преподобнаго все сильнѣе и сильнѣе возбуждали ненависть гордыхъ старцевъ къ настоятелю, пока

---

[1]) Житіе преп. Діонисія стр. 50—52.

она наконецъ не выразилась въ самыхъ грубыхъ формахъ. Разъ преподобный хотѣлъ самъ читать на утрени первую статью. Логинъ вообще не могъ слышать и видѣть, когда Діонисій пѣлъ или читалъ, потому что видѣлъ въ этомъ случаѣ въ лицѣ Діонисія своего соперника: Діонисій пѣлъ и читалъ на столько пріятно, что народъ заслушивался его. Поэтому-то Логинъ, когда увидѣлъ, что Діонисій хочетъ самъ читать на утрени, подскочилъ къ нему и вырвалъ у него книгу. Аналой съ книгою полетѣлъ на землю и произвелъ большой шумъ въ церкви. Но и на этомъ не остановился дерзкій головщикъ. Когда онъ окончилъ чтеніе, тогда подскочилъ къ Діонисію, ставшему на клиросъ, вырвалъ у него посохъ и, изломавъ его на четыре части, бросилъ въ колѣни. Вотъ какія жестокія непріятности приходилось переносить Діонисію отъ своей-же братіи,—отъ лицъ ему подчиненныхъ. Впрочемъ, Діонисія ненавидѣли въ монастырѣ только лица, имѣвшія тамъ какое-нибудь значеніе, занимавшія ту или иную должность, „совладающіи ему“, какъ называетъ ихъ Симонъ Азарьинъ. Что же касается рядовой братіи, то она въ большинствѣ любила своего настоятеля. Да это и не могло быть иначе. Въ то время настоятели монастырей въ своихъ отношеніяхъ къ подчиненной братіи были, большею частію, грубы и самовластны. Діонисій же напротивъ въ обращеніи съ братіею былъ гуманенъ, обходителенъ и ласковъ, такъ что даже свои начальническія распоряженія производилъ не въ формѣ приказаній, а въ видѣ совѣтовъ. „Если хочешь, обыкновенно говорилъ онъ тому или другому брату, которому нужно было что-нибудь приказать, сдѣлай то-то“. Но тутъ Діонисій сталкивался съ непониманіемъ своей гуманности со стороны братіи, которая привыкла слышать рѣзкое повелѣніе, крикливое приказаніе, а не тихое и гуманное распоряженіе начальника: не-

рѣдко случалось, что монахъ, получившій приказаніе отъ Діонисія въ такой гуманной формѣ, считалъ себя необязаннымъ исполнять его. Поэтому Діонисію часто приходилось повторять свои распоряженія и понятно въ формѣ болѣе строгой; въ такомъ случаѣ онъ говорилъ: „время настоитъ, брате, повелѣнное содѣяти, иди и сотвори". Заботясь о нравственности и благоповеденіи подчиненной братіи, самъ Діонисій подавалъ всѣмъ лучшій примѣръ христіанской и монашеской жизни. „Келлія устава не имать", часто говаривалъ онъ, чѣмъ хотѣлъ выразить то, что въ кельѣ можно и должно молиться всегда (не стѣсняясь правилами и уставами), лишь только когда придетъ въ душу молитвенное настроеніе. По свидѣтельству Симона, Діонисій въ своей кельѣ каждодневно совершалъ молебновъ по 6—8 и больше, потомъ вычитывалъ акаѳисты Іисусу, Божіей Матери и чудотворцамъ Сергію и Никону. Посвящая, такимъ образомъ, большую часть времени молитвѣ, онъ другую часть употреблялъ на чтеніе священныхъ и святоотеческихъ писаній. Послѣ такихъ трудовъ Діонисій ложился спать только часа за три до благовѣста къ утрени.

Тревожная и многострадальная жизнь съ одной стороны и келейные подвиги съ другой сломили нѣкогда крѣпкое и цвѣтущее здоровье преподобнаго Діонисія. Къ концу своей жизни онъ ослабѣлъ и сталъ болѣть; однако до послѣдняго дня не хотѣлъ оставлять церковной службы. Наканунѣ смерти онъ самъ служилъ литургію,—и даже въ самый день ея ходилъ къ утрени и къ обѣднѣ. Но вотъ заблаговѣстили къ вечернѣ, и преп. Діонисій, по обычаю, всталъ, надѣлъ на себя клобукъ и мантію и хотѣлъ идти къ службѣ; но уже не могъ. Почувствовавъ близость послѣдняго часа, Діонисій выразилъ желаніе принять схиму. Во время совершенія этого обряда изнемогавшій Діонисій едва держался на ногахъ;

а къ концу его онъ уже не могъ стоять и въ окончательномъ изнеможеніи опустился на свою постель. Благословляя братію, онъ легъ и тихо умеръ. Это было 10 мая 1633 года вечеромъ. Смерть не исказила красиваго и представительнаго лица Діонисія: на устахъ его осталась таже добрая улыбка, съ какой онъ имѣлъ обыкновеніе обращаться съ свой братіей, когда поучалъ и наставлялъ ее. Добродушіе и кротость, основныя черты его характера, теперь отразились и какъ-бы застыли на его лицѣ. Поэтому тутъ же нѣкоторые иконописцы пожелали списать съ него портретъ, чтобы „таковой блаженный мужъ у всѣхъ въ памяти вѣчно пребывалъ“. По описанію Симона, Діонисій „браду долгу имѣлъ и широку, досязающу до пупа, а власы брады его русы бяху, очи ему веселы“ [1]). Въ „иконописномъ же подлинникѣ“ подъ 10 мая записано о Діонисіи: „подобіемъ мало надсѣдъ, брада аки Власіева, гораздо шире; ризы архимандрическія, и въ шапкѣ; нѣцыи пишутъ ризы преподобническія и въ схимѣ“ [2]). Нынѣ въ архимандричьихъ кельяхъ Троицкой Лавры хранится древній портретъ преп. Діонисія. Затѣмъ очень древняя икона Діонисія, написанная, по преданію, вскорѣ послѣ кончины его и изображающая ликъ его очень вѣрно, находится во Владимірской церкви г. Ржева. [3])

---

[1]) Житіе преп. Діонисія стр. 32.

[2]) Филимоновъ стр. 54 (Цит. по «Исторіи русской агіографіи» Барсукова)

[3]) Точный снимокъ съ этой иконы Ржевскій городской голова Е. В. Берсеневъ пожертвовалъ въ Тверской Музей. Подробное описаніе иконы см. въ «Описаніи Тверскаго Музея» А. К. Жизневскаго подъ № 75. Мы смотрѣли еще портретъ преп. Діонисія, имѣющійся въ залѣ Румянцевскаго Музея; но портретъ этотъ показался намъ совсѣмъ неправильнымъ: ни во внѣшнихъ чертахъ, ни въ выраженіи лица не ви-

Болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о преп. Діонисіи можно найти въ слѣдующихъ рукописныхъ и печатныхъ источникахъ. Полное житіе Діонисія, составленное Симономъ Азарьинымъ, находится, между прочимъ, въ рукописяхъ Лаврской Троицкой библіотеки № 700 и Московской Синодальной биб. № 416. Оба эти рукописные сборники по своему содержанію одинаковы; но какъ на особенное достоинство послѣдняго изъ нихъ нужно указать на то, что онъ писанъ рукою самого автора—Симона Азарьина. Въ этихъ сборникахъ, кромѣ житія Діонисія, находятся разныя рѣчи, написанныя Діонисіемъ, Арсеніемъ Глухимъ и Иваномъ Насѣдкой по поводу исправленія богослужебныхъ книгъ, а также чудеса преп. Діонисія. Эти рѣчи и чудеса не вошли въ печатныя изданія житія, да и въ другихъ мѣстахъ въ печатныхъ изданіяхъ сдѣланы нѣкоторыя сокращенія сравнительно съ рукописнымъ житіемъ. Затѣмъ, въ сборникѣ Синодальной биб. № 822, на корешкѣ котораго приклеена бумажка съ надписью „о огни,“ заключаются тѣ рѣчи, посланія и грамоты, которыя появились по поводу исправленія книгъ преп. Діонисіемъ, а житія Діонисія въ немъ нѣтъ, а въ сборникѣ той же библіотеки № 85 (XVIII в.) заключается только одно житіе. Далѣе, нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности преп. Діонисія въ смутное время можно находить въ „сказаніи объ осадѣ Троицкаго монастыря“, составленномъ Авраамiемъ Палицынымъ. Наконецъ, патріотическія грамоты Діонисія напечатаны: двѣ въ Актахъ Арх. экспедиціи

дѣнъ здѣсь архимандритъ Діонисій. Какая-то апатія и даже брезгливость выражается на лицѣ Діонисія по этому портрету. Но не таковъ былъ Діонисій. Изображеніе Діонисія на иконѣ Ржевской Владимірской церкви, думаемъ, наиболѣе вѣрно; между прочимъ, оно имѣетъ большое сходство съ тѣмъ изображеніемъ Діонисія, которое находится на его гробницѣ въ Троицкой Лаврѣ. Оно прилагается къ нашей статьѣ.

т. II-й и одна (октябрская 1611 г.) въ „Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ“—томъ второй-же. Послѣдняя находится и при печатномъ житіи Діонисія.

Что касается нашей исторической литературы, то въ ней спеціальныхъ изслѣдованій о преп. Діонисіи нѣтъ, кромѣ одной журнальной статьи свящ. Поспѣлова, напечатанной въ „Чтеніяхъ общества любителей духовнаго просвѣщенія“ за 1865 годъ во второй части подъ заглавіемъ: „преп. Діонисій, архимандритъ Троицкаго Сергіева монастыря“. Статья эта, не лишенная нѣкоторыхъ достоинствъ, далеко не удовлетворяетъ строго-научнымъ требованіямъ. Авторъ ея, большею частію, очень кратко излагаетъ тѣ или другія свѣдѣнія о Діонисіи -и при этомъ нисколько не заботится критически отнестись къ нѣкоторымъ изъ нихъ. [1]) Говоря объ источникахъ, необходимо упомянуть объ изслѣдованіи г. Кедрова „Авраамій Палицынъ,“ вышедшемъ въ 1880 г. Насколько Авраамій Палицынъ въ своей жизни и дѣятельности былъ близокъ къ преп. Діонисію, настолько, конечно, и предметъ изслѣдованія г. Кедрова имѣетъ значеніе для изслѣдователя о преп. Діонисіи. Что касается, наконецъ, исправленія Діонисіемъ богослужебныхъ книгъ, то этотъ вопросъ изслѣдованъ въ нашей церковно-исторической литературѣ нѣсколько обстоятельнѣе, чѣмъ другіе вопросы, касающіеся Діонисія. Кромѣ того, что въ каждой русской церковной исторіи посвящается этому вопросу довольно вниманія, имѣются по нему и спеціальныя изысканія. Таковы двѣ довольно большія журнальныя статьи, изъ которыхъ одна помѣщена въ „Чтеніяхъ обшества исторіи и древностей россійскихъ“ за 1848 № 8, а другая въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1862 г. въ

---

[1]) О Тверскомъ періодѣ жизни Діонисія—спеціальномъ предметѣ нашей статьи—у свящ. Поспѣлова сказано нѣсколько словъ.

книжкахъ 2 и 3-й. Первая статья принадлежитъ проф. П. С. Казанскому; авторъ второй статьи неизвѣстенъ.

Считаемъ, наконецъ, нужнымъ къ нашему очерку жизни Діонисія присоединить повѣствованіе о чудесахъ его, составленное Симономъ же Азарьинымъ и не вошедшее въ печатныя изданія житія Діонисія. Чудесъ этихъ записано всего 13; одно изъ нихъ относится, впрочемъ, еще къ тому времени, когда преподобный былъ живъ, остальныя проявились по смерти его. Въ повѣствованіи о чудесахъ можно найти немало дов. интересныхъ и цѣнныхъ данныхъ для біографіи Діонисія. Въ нихъ находятся, между прочимъ, свѣдѣнія о многихъ изъ тѣхъ личностей, съ которыми преподобному при его жизни приходилось такъ или иначе сталкиваться, съ которыми онъ или жилъ въ одной кельѣ, или былъ связанъ разными отношеніями. Таковы, напр., нѣкоторые иноки Троицкаго и другихъ монастырей, священники Сергіевскаго посада и т. п. лица. Вообще, можно сказать, что изъ Симонова повѣствованія о чудесахъ Діонисія мы знакомимся съ кружкомъ друзей и знакомыхъ Діонисія, объединяющимъ центромъ котораго былъ самъ преподобный. Наконецъ, изъ чудесъ этихъ мы выносимъ убѣжденіе, что имя Діонисія долго хранилось у людей очень различнаго званія и положенія. Слѣдовательно, преподобный Діонисій оставилъ впечатлѣніе въ свое время. Повѣствованіе о чудесахъ преп. Діонисія мы приводимъ буквально по рукописи Троицкой Лаврской библіотеки № 700.

Преподаватель Тверской Дух. Семинаріи *Дмитрій Скворцовъ*.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ЧУДЕСА ПРЕПОДОБНАГО ДІОНИСІЯ.

1) *О исцѣленіи глухаго.*

Нѣкогда-жъ прилучися во обитель святыя Троицы и къ чудотворцемъ приходъ Самодержцевъ, яко же обычай есть на праздники. И по исполненіи вечерняго и утрянняго пѣнія и литургіи, Самодержецъ бысть за столомъ и по обычаю царскому властемъ подачи подавая. Въ келіи же въ архимаричьѣ подачи царскія пріимая нѣкій слуга, именемъ Иванъ Бабарыкинъ, родомъ Стариченинъ, архимариту-жъ и прежъ знаемъ сый, у него въ келіи часто́ пребывая. Навѣтомъ же діаволимъ обольстився обоняніемъ тѣхъ ѣствъ, отрѣзывая по малу отъ всѣхъ подачъ, наполнивъ блюдо, насытивъ утробу свою, не очютивъ въ себѣ въ то время никоея пакости. Егда-жъ пріиде архимаритъ въ келію свою, той же Иванъ Бабарыкинъ, пріемъ у него клобукъ и мантію. Пріидоша-жъ гости къ архимариту, и по обычаю архимаритъ гостемъ сѣсти повелѣваетъ, а Ивану Бабарыкину приказываетъ о потребныхъ, яже гостей ради. Онъ же, на архимарита взирая, видитъ уста его, яко шепчюща и рукою указующа и ничто-жъ ушима своима обрѣте себе слышаща. Архимаритъ же, много попретивъ ему, дивися, не вѣдая ему наказанія Божія за его дерзость, мнѣвъ піянствомъ его обезумена, повелѣ его въ задніе сѣни выслати, въ него же мѣсто пригласивъ иного отъ входящихъ къ нему. Той же Иванъ Бабарыкинъ, дивяся внезапной глухотѣ своей, подшелъ тихо къ переднимъ сѣнямъ, приницая изъ заднихъ сѣней и уши свои прикладывая, хотя нѣчто слышати отъ устъ преподобнаго архимарита или отъ устъ гостей, и ничто же слышавъ, ток-

мо устнѣ движущеся видѣвъ; и познавъ въ себѣ грѣхъ дерзости своея, зазирая въ совѣсти своей нескупость и благоутробіе преподобнаго, всегда-бо насыщенъ таковыми ѣствами у него со благословеніемъ его, нынѣ же, яко татъ алченъ обрѣтесь, безъ благословенія его, дерзнувъ насытитися. И нача въ себѣ каятися со слезами таковаго дерзновенія; и егда гости изыдоша, тогда припадъ къ преподобныма ногама его, повѣдая грѣхъ свой, прося прощенія. Преподобный же много наказавъ и прости его. Онъ же въ многемъ наказаніи, ничто же преже слышавъ, токмо се отъ устъ его, еже есть: Богъ проститъ. Къ тому не дерзалъ таковая творити и отъиде отъ него, радуяся. Сицеву повѣсть исповѣда мнѣ недостойному самъ преподобный отецъ архимаритъ, и послѣди и той Иванъ таяжде намъ сказавъ о себѣ; благодаря Бога и преподобнаго сего архимарита Діонисія, яко молитвами его сподобленъ бысть исцѣленія.

2) *О видѣніи святаго священноиноку Перфилію.*

Бысть же во обители святыя Живоначальныя Троицы и у преподобныхъ чудотворцевъ Сергія и Никона священноинокъ, *бывый преже архимаритъ въ Володимерѣ въ Рождественскомъ монастырѣ, именемъ Перфилій,* постриженикъ же и ученикъ сея честныя обители и сожитель бысть *преже единыя келіи* преподобнаго архимарита Діонисія, во всемъ подражая того житія чистымъ сердцемъ; и той, видѣвъ преставленіе его, немало оскорбися разлученія его, воспоминая нелицемѣрную любовь его къ себѣ, паче-жъ видѣвъ, яже по Бозѣ подвиги и много терпѣливое безлобивое изволеніе житія его, *еще же и не у дозрѣлу сущу въ старости* изволеніе праведныхъ судебъ Божіихъ преставити отъ здѣшняго вѣка къ вѣчному оному покою, не могій удержатися отъ слезъ, но присно памятуя о немъ незабытно въ сердцѣ сво-

емъ, помяная многажды страданіе его, терпѣніе; многожды бо Самодержцу оболганъ, паче же и первосвятителю злословленъ, ово въ заточеніи, яко же и преже речеся [1]), ово во ипитиміяхъ, ничто-жъ злаго сотворше; но паче правды ради вся страдаше, еще же и отъ своихъ совладѣющихъ частыя и оболганія и укоры и поносы воспріятъ. Сія вся собра во умѣ сей, прося у Всемогущаго милости явити ему о семъ, аще воспріятъ мзду своего многостраданнаго терпѣнія-жъ и подвигу. И въ такове мысли пребывающу ему на долзѣ времени Владыку Христа многажды молитъ открыти ему о семъ, яко той самъ сказа мнѣ грѣшному, и по многомъ моленіи видитъ во снѣ по прежнему подобію желаемаго ему архимарита Діонисія, сѣдяща; онъ же радостенъ бысть и припаде къ нему, яко же мнѣвшу ему на явѣ живу сущу, тая-жъ помнившу, яко же уже къ Богу отшедша и главу свою къ нему наклоняя, прося благословенія, и со слезами радостными глагола ему: „Господине мой архимаритъ Діонисей, повѣждь ми аще обрѣлъ еси благодать отъ вседающаго за таковое многострадателиство и крѣпкія подвиги“; онъ же, яко на явѣ благословляше его рукою осѣняя и глаголя утѣшая его: „о, Перфиліе, радуйся много, яко зѣло пріялъ есмь благодать отъ Бога“. Той же, возбнувъ, ужасенъ бысть и помале бывъ въ себѣ, благодаря Бога; многимъ сказавъ, послѣди же и мнѣ недостойному исповѣда. Сего же священноинока Перфилія по изволенію Самодержцеву вскорѣ отъ тоя обители емлютъ и посылаютъ во Псковъ въ Печерскій монастырь въ архимариты; потомъ же взятъ бысть оттуда на Москву въ Андроньевъ монастырь, и ту къ Богу отъиде, въ добромъ устроеніи житія вѣкъ сей препроводивъ.

---

[1]) Т. е. въ самомъ житіи.

3) *О прорѣченіи святаго іерею Ѳеодору о смерти его явленіемъ его.*

Въ тоже время Служни слободы [1]) священникъ именемъ Ѳеодоръ, его-же любяше преподобный, благонравія его ради, къ сему-жъ и въ присвоеніи [2]) ему бяше. И той, слышавъ, яко архимаритъ изнемогаетъ, бѣжавъ къ нему спѣшно, хотя послѣднее прощеніе приняти, и не успѣ, уже бо душу свою Господеви предаде; плакавъ же неутѣшно отлученія своего, еже не прилучися ту, изыде въ домъ свой, плача-жъ и рыдая. Потомъ же видитъ во снѣ архимарита, о немъ же присно скорбяше; видѣніе сицево бяше. Слышитъ паки сказующихъ ему архимаричье преставленіе, яко-жъ и прежъ; онъ же, яко на явѣ, спѣшно грядый, хотя желаемое отъ него благословеніе и послѣднее прощеніе воспріяти. И предъ нимъ представъ видитъ мнозѣмъ благословеніе рукою подавающа, онъ же между прочими подходяй, и главу свою наклоняя къ благословенію, и ничто же получивъ, паки наклоняя предъ нимъ главу свою, требуя благословенія. Той же рече ему тихо: „почто нудишися; тіи благословенія просятъ, здѣсь оставаются, ты-жъ, рече, и самъ вскорѣ за мною будеши, прочее же не стужай ми“. И онъ же, возбнувъ ужасенъ бысть, и въ себѣ бывъ, сказавъ видѣніе нѣкіимъ отъ ближнихъ своихъ; и по осми днехъ и той ко Господу отойде.

4) *О видѣніи святаго инокиня нѣкоей.*

Бывшу ми нѣкогда недостойному послану быти отъ самаго преподобнаго отца архимарита Діонисія и келаря Александра въ монастырь строителемъ на Алатырь, яжъ есть

---

[1]) Одна изъ слободъ Сергіевскаго посада.

[2]) Поэтому нужно думать, что священникъ этотъ происходилъ тоже изъ Тверской губ.

подъ ихъ паствою; и пребываюшу ми тамо изволеніемъ же праведныхъ судебъ Божіихъ, осиротѣхъ тамо, улишихся преподобнаго сего отца архимарита Діонисія. Егда преселися отъ жизни сея въ вѣчныя обители, мнѣ не сущу ту, но на Алатырѣ, яко же выше рѣхъ [1]), и нападе на мя бѣда неискупима по оболганію нѣкіихъ злокозненныхъ людей ко первосвятителю; и преже неже свидѣтельству о мнѣ быти, преданъ быхъ мучителю немилосерду на правежъ въ тысящѣ рублехъ, всего града и уѣздныхъ людей по челобитью, прежніе бо строителіе согрубиша имъ, азъ же преданъ имъ вмѣсто всѣхъ, преже мене бывшихъ, ни въ чемъ виповенъ имъ бысть. Мнѣ же недостойному отъ таковыхъ напастей неистерпимыхъ въ скорби во мнозѣй бывшу, паче-жъ и о сиротствѣ своемъ. еже есть о разлученіи отца своего, на него-жъ и надѣяхся въ таковыхъ напастяхъ помощника себе, и почаяхъ уже и животу голзнути (?), не имущи помощи ни откуду, яко и сами власти не возмогаху пособити; ярость бо первосвятителя превозмогаше многихъ пособниковъ. И мнози во обители чудотворцевѣ братья-жъ и мірстіи, видивше напрасную мою бѣду, роптаху на тѣхъ, ихъ же ради преданъ есмь, пособити же не доумѣвахуся; вси чаяху смерти предану быти. Нѣкая же инокиня, именемъ Вѣра, пребывая у чудотворцевыхъ Сергіевыхъ родителей въ Хотьковскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, слышавъ о мнѣ таковыя неискупимыя напасти, и часто со слезами моляся о мнѣ Богу и Пречистой Богородицѣ и преподобнымъ чудотворцемъ Сергію и Никону, паче же призываетъ на помощь преподобнаго архимарита Діонисія, припадывая мыслію, яко и живу моляся о поможеніи въ напрасныхъ напастяхъ страждущему. И въ частыхъ призываніяхъ видитъ во снѣ, яко на явѣ, храмы

[1]) Т е. въ житіи.

высокія и преукрашены, ихъ же немощно сказати, и многихъ святителей въ тѣ храмы во святительскихъ одеждахъ входящихъ по лѣствицамъ къ верху, ихъ же бѣ не знаяше. И ко всѣмъ припадая прося помощи злостраждущему. отъ прочихъ же слышитъ: „жди, рече, архимарита Діонисія, вскорѣ идетъ той къ Небесному Царю служити“. Она-жъ, много стоявъ съ пожданіемъ, видитъ архимарита Діонисія, къ тѣмъ же лѣствицамъ грядуща во освященномъ сану со двѣмя дьяконы. Припаде къ преподобныма ногамъ его, мня, яко и живу сущу, со слезами прося помощи безпомощному: „воспомяни, рече, его же любилъ еси, и се нынѣ зло стражетъ. и не имѣетъ ни отъ кого помощи“. Онъ же, коснуся ей рукою, повелѣ возстати, глаголя: „не скорби, будетъ ему милость Божія и избавленіе отъ таковыя напасти, а отъ меня вамъ благословеніе“. И рукою ея благослови, отойде отъ очію ея тою же лѣствицею въ верхъ. Она-жъ, возбнувъ радостна бысть, сказа сыну своему, именемъ Михаилу. Онъ же слышавъ написавъ и принесе ми писаніе сіе, егда пріѣхавшу ми свобождену сущу, молитвъ ради преподобныхъ.

5) *О пустынникѣ Никодимѣ и видѣніи святаго Діонисія купно съ Алексіемъ Митрополитомъ.*

Многимъ же о сихъ всѣхъ слышавшимъ таковая про отца архимарита Діонисія радующимся душею, инѣмъ же усумнѣвающимся и невѣріемъ одержимы бываху, яко и самому иконому обители тоя, отъ него же тогда и многи бѣды и напасти поносивъ преподобный, властолюбія его ради, яко же и преже рѣхъ, невѣріемъ одержими быти, и слышанная ни во что же вмѣняти, еще же и инѣмъ запрещати. И по нѣколицехъ лѣтехъ преставленія его воспишутъ х келарю Александру сѣверныя страны и Поморія Каргопольскаго уѣзда, Кожеозерскаго монастыря старцы Ѳеодосей и прочіи

иноцы, яко Богомъ наставляемы на увѣреніе невѣрующимъ. Писаніе же ихъ сицево бысть рече: у нихъ вдалее монастыря, яко пятнадесять поприщъ среди лѣсу пустынникъ инокъ, Никодимъ именемъ, хижицу токмо имяше зѣло малу на непроходимѣхъ болотныхъ мѣстехъ постриженикъ Чудова монастыря святаго архистратига Михаила и чудотворца Алексія Митрополита, иже на Москвѣ, и по явленію святаго чудотворца Алексѣя, сей инокъ Никодимъ сниде въ тоя пустыню еще преже Московскаго разоренія пребывая въ той пустыни на рѣчкѣ Хоюгѣ 35 лѣтъ, подвизаяся постомъ и молитвами; и егда изволеніе дойде праведнаго суда Божія преселити его отъ міра сего къ вѣчнымъ обителемъ, присылаетъ нѣкоего отъ посѣтителей ко игумену и къ братіи, моля ихъ взяти себя въ монастырь той. Бывшу-жъ сему тако, повѣдаетъ игумену и братіи явленіе святаго Алексѣя Митрополита, съ нимъ же, рече, и инъ мужъ чуденъ со крестомъ, благословляюще его преосвященный Митрополитъ рукою, а другій крестомъ ограждаше его, повѣдающе ему отхожденіе отъ міра сего въ вѣчныя обители. Ему же вопрошающу святаго Алексѣя о друзѣмъ, иже съ нимъ, понеже самаго святаго Алексѣя чудотворца по образу узная, яко постриженикъ его обители; другого же не зная, иже крестомъ благословляя его. Святый же Алексѣй рече ему: „той есть Троицкаго Сергіева монастыря архимаритъ Діонисій“. Онъ же, слышавъ, дивися, яко преже того въ мірѣ, ни во иноцѣхъ не знаяше его, и сподобленъ бысть видѣнія его. И во днѣхъ четыренадесятыхъ паки по часту тіи являхуся ему, утѣшающе его, повѣдающе, яко вскорѣ, рече, съ нами у Бога въ покои будеши, и по четыредесяти днехъ перваго явленія ихъ къ нему преставися, душу свою въ руцѣ Божіи предаде. Потомъ же о семъ повѣсти по нѣколицехъ днехъ писанія его слышахомъ о семъ достовѣрно отъ инока

Гедеона того-жъ монастыря, иже и послуживъ ему пре ево смерти; послѣди-жъ боголюбивый инокъ Боголѣпъ Львовъ того-жъ Кожеозерскаго монастыря постриженникъ бяше, иже и понудивый мя сія написати преже бывый палаты царевы, писаніемъ возвѣсти о сихъ святѣйшему Іосифу патріарху Московскому и всея Русіи, яко самъ тамо бывъ, и отъ преподобнаго инока Никодима пустыножителя увѣрився, и отъ его Никодимыхъ устъ слышавъ таковая и писанію предаетъ.

6) *О явленіи святаго на морѣ донскимъ казакамъ, и о побѣдѣ на Турокъ.*

Еще же и паки сумнѣваюся слышанная писанію не предати и опасаюся глаголанная умолчати конечнаго ради забытія. Аще кто ложь приноситъ, самъ на главѣ своей понесетъ, аще-ли истину исповѣдаетъ, то истина сама во увѣреніе приведетъ всякъ глаголъ праведенъ. *Мы жъ, яже слышахомъ, сице и написахомъ.* Уже писанію сему, яже есть о преподобнемъ архимаритѣ Діонисіѣ совершившуся по прошенію инока Боголѣпа, того-жъ 156 году по написаніи семъ вскорѣ внезапу пріиде ко мнѣ вышепомянутый слуга Никита Кучинъ, возвѣщаетъ же слышавъ отъ инока Романа Базлова, да отъ слуги Василія, имянуемаго Львова о пріѣздѣ донскихъ казаковъ и о поклоненіи у гробницы архимарита Діонисія по его же извѣту. Тіи призвани быша и въ роспросѣ своемъ повѣдаша сице:идущимъ намъ мимо Никонову церковь и увидѣвшимъ у гробницы архимарита Діонисія кланяющихся тріехъ человѣкъ, спросившу же намъ ихъ, почему знали есте архимарита Діонисія, яко гробу его кланяетеся. Они же исповѣдаша намъ со слезами, глаголюще: незнаемъ намъ былъ преже, но велику намъ помощь подалъ явленіемъ своимъ на морѣ, на супротивныя, уже бо, глаголаху, всѣмъ намъ быти побитымъ отъ турокъ, егда же яви-

ся намъ той, свѣтъ великъ осія насъ, а на враги наша нападе тьма и ослѣпоша, мы же спасени быхомъ явленіемъ его и враговъ своихъ побѣдихомъ, и сего ради пріидохомъ поклонитися чудотворцемъ Сергію и Никону помолитися и архимарита Діонисія гробу поклонитись. И исполнивши обѣщаніе свое, поидоша, благодаря Бога во свояси; мнѣ же о сей повѣсти написавшу и зѣло о томъ усумнѣвающуся, яко о семъ свидѣтельства крѣпкаго не пріемъ и помышленіи своими присно смущаемъ, да не вмѣнится въ ложь быти; и въ таковыхъ помышленіяхъ многи времяна преидоша, и въ лѣто 7163 году сентября въ день случися мнѣ побесѣдовати о словеси духовнѣ съ государевымъ ключникомъ съ Никономъ Протопоповымъ; и яко Богомъ наставляемъ той вопроси мя о архимаритѣ Діонисіи и о житіи его и о донскихъ казакахъ подлинное свидѣтельство мнѣ разсказавъ, иже на морѣ явленіемъ его отъ безбожныхъ турокъ спасошася. Онъ, Никонъ, тѣхъ казаковъ по царской милости въ Государевѣ дворѣ кормилъ и подчивалъ и отъ нихъ ту повѣсть достовѣрно слышалъ и сказалъ у себя о томъ записочку о той повѣсти и казакомъ тѣмъ имяна и хотѣлъ тое записочку прислати.

7) *Сказаніе о чудесѣхъ святаго Петромъ Головинымъ.*

Во 157.году августа въ 4 день пріиде въ обитель святые Троицы помолитися и чудотворцевымъ мощемъ поклонитися дворянинъ Государевъ, ему же имя Петръ Головинъ. И по исполненіи молитвъ, яже къ чудотворцемъ, пріиде ко гробу сего преподобнаго архимарита Діонисія и достойное поклоненіе на гробѣ его сотворяетъ, сказуя архимариту Адреану и мнѣ келарю Симону и казначею Калинику и старцемъ соборнымъ: бывшу ми, рече, на государевѣ службѣ за Сибирью, въ далечайшемъ градѣ, на рѣкѣ, глаголемой Ленѣ, до него же отъ царствующаго града Москвы треми лѣты

шествіе творятъ, тамо слышахъ о семъ архимаритѣ Діонисіи, яко съ митрополитомъ Алексѣемъ Московскимъ чудотворцемъ купно чудеса содѣваютъ, и въ посѣщеніи же преподобнаго инока Никодима со Алексѣемъ митрополитомъ вмѣстѣ обрѣтеся въ Поморіи Каргопольскаго уѣзда въ Кожеозерскомъ монастырѣ. Мы же отъ него слышахомъ и дивихомся неизрѣченнымъ судьбамъ Божіимъ, яко отъ таковаго дальняго града и страны такову пречудную повѣсть о отцѣ нашемъ принесе на увѣреніе истины и на радость и веселіе душамъ нашимъ, слышащимъ величія чудесемъ, яже прославляетъ Богъ угодника своего, поборника по истинѣ и поспѣшника по правдѣ въ наша лѣта подвизавшагося и написахомъ сія памяти ради.

8) *О исцѣленіи вельможи нѣкоему молитвами святаго.*

Егда же сицеву повѣсть слышахомъ отъ Петра Головина и написахомъ и многъмъ даша прочитати, понеже всякій въ сладость хотяше слышати, яже о немъ поминающе благочестивое житіе его, и слышавъ сія тоя же обители Троицкой слуга именемъ Ѳеодоръ Каменевъ, преже бывый близь его келіи и во многъй службѣ поработавъ у преподобнаго и се исповѣда ми. Егда, рече, сей святый архимаритъ преставися отъ жизни сея въ вѣчныя обители, по изволенію-жъ первосвятителя отвезоша тѣло его на Москву погребальныхъ ради, и поставиша въ церкви Богоявленія Господа нашего І. Христа за Ветошнымъ рядомъ. По случаю же нѣкоему въ то время болѣзнова тѣломъ нѣкій вельможа, именемъ князь Алексѣй Воротынской; любимъ бяше отъ сего архимарита Діонисія, и егда увѣдавъ тѣло его въ церквѣ той вельможа, воспомянувъ любовь его къ себѣ и вѣдая благонравное его житіе, вѣру емъ, посылаетъ надъ нимъ панихиду отпѣти; и по отпѣніи егда принесоша ему кутію, онъ же

ея вкусивъ, здравъ бысть молитвами святаго, азъ же слышавъ сіе, написавъ, да незабвенна будутъ чудеса святого сего.

9) *Повѣсть инока Антонія о чудеси святаго.*

Въ 158 году іюня въ 19 день повѣда ми грѣшному, паче же писаніемъ извѣсти ми сея же святыя обители инокъ Антоній, рекомый Яринскій. Пловущу, рече, на монастырскомъ насадѣ изъ Астрахани вверхъ съ рыбою и солію, и егда минувшимъ намъ градъ Царицынъ постигоша насъ за денежнымъ островомъ въ малой лодкѣ донскихъ казаковъ пять человѣкъ, и умолиша насъ, дабы имъ быти у насъ въ работѣ на большемъ насадѣ въ прибылыхъ ярыжныхъ, яко же обычай есть и на прочихъ большихъ насадѣхъ. Сему же тако бывшу по ихъ прошенію, и въ пути томъ единъ отъ нихъ повѣда намъ повѣсть сицеву. Были-де мы на морѣ съ прочими казаки въ войнѣ и принесло-де насъ волнами ко острову нѣкоему и нашему-де старѣйшинѣ явися святая Богородица со апостолы съ Петромъ и Іоанномъ да съ чудотворцы Сергіемъ и Никономъ, да съ ними же-де явился и третій инокъ незнаемъ ему же имя. И спросившу у чудотворцовъ, яко на явѣ: васъ-де государей чудотворцецъ знаю, сего же инока, иже съ вами вижу, не знаю. И чудотворецъ де Сергій рече ему: „то есть Троицкій архимаритъ Діонисій“, и повѣда ему быти отъ турскихъ людей въ побѣдѣ и дастъ-де Богъ тишину и вы-де идите къ берегу; и егда-де старѣйшина нашъ сіе явленіе намъ повѣда вскорѣ турскіе люди насъ разгромили, а иныхъ побили, а мы-де отъ того разгрому разбѣгалися. А нынѣ по своему обѣщанію идемъ вверхъ и хотимъ помолитися въ Соловецкомъ монастырѣ.

10) *О явленіи святаго іерею Феодору и отъ болѣзни исцѣленіе.*

Во 159 году Троицкаго Сергіева монастыря *Пушкарскіе слободы церкви* Пречистыя Богородицы Казанскіе и святаго

пророка Иліи священникъ Ѳедоръ былъ въ недугѣ смертнѣмъ; и сказавъ мнѣ видѣніе, еже видѣ октября въ 26 день на праздникъ святого великомученика Димитрія. Въ 9 часовъ нощи лежащу ми, рече, больну при смерти въ дому своемъ явися мнѣ архимаритъ Діонисій во всемъ освященномъ чину, а предъ нимъ ходяще со свѣщею горящею инокъ, и глагола ми архимаритъ Діонисій, взявъ мя за руку съ постели, и повелѣлъ мя тому иноку вести съ собою въ церковь, яко на явѣ мнѣвшу ми, и передъ мѣстныя иконы свѣчи поставляше архимаритъ своима рукама, а говорилъ предъ иконою святыя Троицы сице: *„слава Тебѣ, Господи, что церковь святаго пророка Иліи устроилася а мнѣ-де велѣлъ часу того облещися въ ризы* и молебенъ пѣти Пречистой Богородицѣ, чудотворнѣй иконѣ Казанской, и пророку Ильѣ; и послѣ отпуста архимаритъ, осѣняяся крестомъ, да и меня осѣнилъ, и въ то время въ церкви шумъ бысть. А я-де возбнувъ въ дому своемъ и воззривъ на образъ Пречистыя Богородицы Казанскіе, а въ монастырѣ-де учали ко всенощному благовѣстити, и оттолѣ здравъ бысть, и сему своему видѣнію прислалъ ко мнѣ списочекъ. Азъ же прочетъ мню, яко не просту сему быти видѣнію; и сего ради Діонисій благодарилъ Бога, что церковь устроена, *понеже еще при своемъ животѣ сей преподобный многое тщательство имѣлъ, еже устроити церковь пророка Иліи подъ монастыремъ*, на мѣстѣ, идѣже нынѣ поставлена, яко же мы отъ устъ его многажды слышахомъ. Теплѣйшій бо сый вѣрою и молитвою, крѣпокъ въ подвизѣхъ и часто со кресты соборнѣ хождаше овогда о дождѣ, овогда же о ведрѣ простирая молитвы за всѣхъ православныхъ христіанъ о умноженіи плодовъ земныхъ, сего ради и о церкви Иліи пророка печашеся о строеніи, и не случися ему при себѣ сея устроити, но по немъ нѣколико лѣтъ прейдоша; народи-жъ или его тщательство о семъ вос-

помянувше, или его молитвами Богомъ наставляеми, начаша приходити ко властѣмъ съ моленіемъ да будетъ у нихъ храмъ Ильи пророка. Архимаритъ же Адреянъ, келарь Авраамій Подлѣсовъ и азъ Симонъ, тогда бывшу ми казначеемъ, умоленія ради народнаго воздвиже храмъ чудотворныя иконы Богородичны Казанскіе вверху, пророка Иліи въ высподь. И сего ради присѣщеніе, мню, преподобнаго архимарита Діонисія въ церкви исполнися, яко по его обѣщанію дѣло сіе въ совершеніе пріиде, и чего ради видѣніе сіе *священнику Ѳеодору*, а не иному явлено есть, мню, *яко той нѣкогда за имя преподобнаго Діонисія тяжки раны пріялъ на тѣлесе своемъ* за едино слово, *еже рече: нынѣ-де у насъ уже не Діонисій архимаритъ*. И сего ради посѣщенія отъ преподобнаго сподобися; вразумити же и сіе должно, яко видѣніе сіе на праздникъ Димитрія Селунскаго случися видѣти, и то, мню, не по просту, *преже бо нѣкогда* слышахомъ отъ священно-іерея рекомаго Насѣдки, *еще вскорѣ послѣ* осаднаго сидѣнія Троицкаго Сергіева монастыря, ту въ монастырѣ ему живущу и служащу Богови въ порученнѣй ему церкви на воротѣхъ чудотворца Сергія, на покой же тѣлесный, идѣже препочити, хижицу малу имый въ стѣнѣ городовой, въ ней же ему сидящу нѣкогда, помысливши на настоящее время, и въ мысли своей размышляше пророчество Ивана Богослова отъ апокалипсиса, разсуждая о женѣ и о зміи, колики, рече, страны великія отъ православія въ еретичество отпадоша: Римъ великій и вся западныя страны, а нынѣ-де уже, мню, что и до насъ дойде; и мнѣвшу ми не быти уже и на Руси православію, сице размышляющу склячеся сѣдя подъ оконцемъ много плакався неутѣшно. Внезапу же слышитъ у оконца того пришедъ нѣкто, поносивъ его много и многи укорныя рѣчи ему изглаголавъ, „кто еси ты, рече, иже помышляеши не быти на Руси благочестію, а того,

рече, не вѣдаеши, что за васъ молитъ Бога чудотворецъ Димитрій Селунскій да Василій Великій да и вашъ чудотворецъ Сергій за васъ молитъ Бога и будетъ на Руси благочестіе, яко же и прежде". Онъ же возбнувъ пріиде въ чувство, возрадовася, вшедъ повѣда архимариту Діонисію, еще тогда живу сущу. И нынѣ убо сія, мню, яко того ради тогда сему священно-іерею Иванну гласомъ Димитрій и Василій великій купно съ Сергіемъ объявленъ бысть за всю русскую въ молебникахъ. Нынѣ же паки на его памяти сему священнику Ѳедору архимарита Діонисія бысть явленіе. Довѣдавшужеся мнѣ нынѣ, яко храмъ брусяной чудотворца Димитрія Селунскаго былъ преже разоренія въ Троицкомъ монастырѣ у церкви каменные Сергія чудотворца, еже есть на воротѣхъ по лѣвую сторону олтаря, на всходѣ противъ лѣстницы, а разобрану, сказываютъ, та церковь въ осадное время, и та церковь стала въ забытіи и досѣхъ мѣстъ. А что предъ нимъ инокъ свѣщу носяше, и то знатно есть: той ученикъ его Дороѳей, его же крѣпкое житіе самъ архимаритъ еще въ животѣ своемъ свидѣтельствоваше.

11) *О проявленіи о житіи святого Діонисія.*

Въ нынѣшнемъ же во 159 году случися мнѣ на Москвѣ на Троицкомъ Сергіевѣ подворьи у Богоявленья въ монастырѣ *побесѣдовати Пречистые Богородицы чудотворнаго ея образа Казанскаго съ протопопомъ Иваномъ Нероновымъ, и между прочими глаголаніи воспомянувъ мнѣ той о житіи сего преподобнаго архимарита Діонисія*, хотя у меня взявъ, яже писана бысть о немъ, положити предъ самодержцемъ. Мнѣ же о семъ неудоволившусь и глаголахъ ему, еже написано быша вчернѣ, а исправити на бѣло недостигшу времени, паче-жъ въ размышленіи мнозѣ бывшу ми, бояся отъ преподобнаго, да не вмѣсто благости, яже отъ него, нѣчто

постражу винами, достойныя дерзости ради своея, воспоминая его крѣпкое житіе и потови трудовъ его благочестивыхъ и людямъ благочестія учителя своего проповѣдую, а свое житіе въ небреженіи препровождаю; и въ сицевѣхъ сомнѣніихъ съ Москвы съѣхавшу ми въ обитель преп. Сергія въ большой монастырь, и въ тыхъ днехъ повѣда мнѣ сеяжъ великія обители слуга, именемъ Никита Кучинъ, о немъ же и въ прежнихъ повѣстяхъ глаголано бысть: „апрѣля-де въ 7 день нощію во снѣ видитъ человѣка незнаема, и вручивъ ему грамоту да образы складни, глагола ему, что архимаритъ Діонисій сія къ тебѣ послалъ, а велѣлъ тебѣ ихъ отдати келарю Симону *и словомъ-де вслѣлъ келарю изговорити: вскую спѣшитъ келарь Симонъ житіе мое писати, все-де мое архимаричье житіе будетъ ему вѣдомо;* и я-де складни пріявъ почалъ прочитати на складняхъ подписи и не возмогъ прочесть, потому что мелко зѣло. Добре испросивъ того человѣка, какое то письмо, и онъ-де мнѣ сказалъ: тоде житіе писано архимарита Діонисія, а самъ-де живетъ архимаритъ на востокѣ въ величайшемъ монастырѣ, а нынѣде пошелъ въ большой Троицкой Сергіевъ монастырь во святую обитель. И сія глаголя невидимъ бысть; той же возбнувъ дивися такому видѣнію, написавъ принесе ми сицеву повѣсть.

12) *О явленіи инока Гермогена о Діонисіи.*

Въ 160 году декабря въ 23 день бесѣдующимъ намъ нѣкогда съ братіею и во многихъ бесѣдахъ воспомянувше о житіи архимарита Діонисія, и бысть егда услыша братъ Діонисій, рекомый Бирячинъ, про архимаричье Діонисіево житіе, и повѣда намъ сицеву повѣсть. Бысть, рече, лѣта за три или мало болѣе до сего лѣта въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ братъ въ келіи со мною во единой пребывая, именемъ Гермогенъ, природою скопецъ бысть, и внегда на-

чать пренемогати къ смерти, бысть во иступленіи памяти, и духъ въ немъ умолче, яко мнѣти намъ уже умерша его, и сего бысть до трою часовъ и внезапу отдохнувъ, и бысть въ цѣлой памяти, яко и прежде, и сѣдъ на постели повѣда намъ, яко бывшу ми, рече, въ прекрасныхъ садовіяхъ, ихъ же сказати не мощно, и отъ нѣкоего приставника водимъ бяше по многимъ мѣстамъ, и видѣвъ многихъ святыхъ прежнихъ святителей и преподобныхъ и мучениковъ, ихъ же обыкохомъ въ молитвахъ своихъ призывати; мнѣ же много молящуся, иже мя водяше, дабы мѣсто показалъ, идѣже архимаритъ Діонисій, и душа моя желаетъ видѣти его, понеже знаемъ былъ ему азъ; той же рече ему: нынѣ возвратись вспять и по четырехъ днехъ узриши, его-жъ желаеши видѣти и съ нимъ здѣ будеши. И егда четыре дни минувша, преставися отъ жизни сея; мы же слышавше сія благодарившe Бога и написахомъ.

13) *Явленіе святого архимарита Діонисія преосвященному Варлааму митрополиту Ростовскому и повѣсть о немъ же архимарита Андрѣяна.*

160 году во святый великій постъ изволеніемъ государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича всея Россіи преосвященный Варлаамъ митрополитъ Ростовскій и Ярославскій да боляринъ Михайло Михайловичъ Салтыковъ во градѣ, нарицаемомъ Старицѣ въ Богородичномъ монастырѣ обрѣтоша мощи святѣйшаго Іова патріарха московскаго и всея Русіи. Въ нощь же ту, въ неже восхотѣша двигнутися съ мощми святѣйшаго патріарха Іова къ московскому государству, является преосвященному митрополиту Варлаамѹ преподобный архимаритъ Діонисій сицевымъ образомъ. Предъ заутренями стоящу митрополиту на своемъ мѣстѣ, молитву изо устъ Господу Богу приносящу и мнѣвшу ему

сонъ зрѣти, слышитъ глаголющихъ, повѣдающихъ ему пришествіе къ нему архимарита Діонисія. Онъ же зритъ его вшедша, кадильницу въ руку имуща и угліе раздувающа, и первые покадивъ образы, потомъ его покадивъ, и абіе возбнувъ и бысть въ себѣ; той же невидимъ бысть отъ очію его, точію благоуханіе веліе ощутивъ, дивяся въ мысли своей о таковомъ видѣніи. Еще же ему обмышляющусь о посѣщеніи преподобнаго, въ то время пономарь пріиде благословитись благовѣстити къ заутрени. Сицеву повѣсть повѣда намъ самъ преосвященный Варлаамъ митрополитъ. И нѣкогда въ дому святыя Троица у преподобнаго чудотворца Сергія во обители бесѣдующимъ намъ съ архимаритомъ Адрѣяномъ, дойде жъ рѣчь и до сего и удивляющимся намъ о посѣщеніи преподобнаго архимарита Діонисія, како явися митрополиту Варлааму, глагола же намъ архимаритъ Адрѣянъ: бывшу ми, рече, нѣкогда въ обители сей, еще архимариту Діонисію живу сущу, и глаголя ми: что вскую, рече, не прейдеши къ намъ въ чудотворцеву Сергіеву обитель съ нами пребывати. Мнѣ же отрицающуся, идѣже, рече, обѣщался, ту пребывати хощу, той же рече ми: аще и нынѣ не изволяеши здѣ пребывати, но по времени Богу изволяющу здѣ на семъ мѣстѣ поживеши. И по нѣколицехъ лѣтехъ послѣ его преставленія изволеніемъ самодержцу и первосвятителю взятъ есмь отъ пречистые Богородице изъ Толскаго монастыря въ Троицкой Сергіевъ монастырь въ архимариты; и егда здѣ нача пребывати воспомянухъ о себѣ пророченіе архимарита Діонисія; азъ же сія слышавъ повелѣ написати.

Сообщилъ **Д. Скворцовъ.**

Перепечатано изъ №№ 20, 21, 22 и 24 1889 и изъ №№ 1, 2, 3, 4 и 5 Твер. Епар. Вѣд. 1890 г.г.

Дозволено цензурою 15 октяб. 1889 и 1 марта 1890 г.г. Тверь. Тип. Губ. Правленія.

